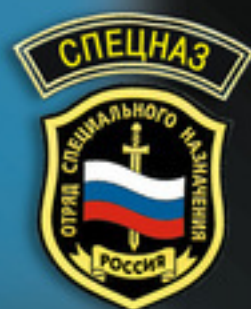

СЕРГЕЙ
ДОНСКОЙ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

**Фатальный
ход**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской
Фатальный ход

«Автор»

2012

Донской С. Г.

Фатальный ход / С. Г. Донской — «Автор», 2012 — (Капитан
ФСБ Евгений Бондарь)

Капитан ФСБ Евгений Бондарь известен как лучший агент-контрразведчик. Руководство поручает ему самые рискованные задачи. Но это задание из ряда вон выходящее. По самой богатой женщине России, миллиардерше Маргарите Морталюк, давно плачет тюрьма, однако акула теневого бизнеса легко обводит следователей вокруг пальца и всегда выходит сухой из воды. ФСБ стало известно, что Леди Мортале, как прозвали ее в деловых кругах, вывезла в неизвестном направлении всех участниц недавнего конкурса моделей. Куда и с какой целью – это и предстоит выяснить Бондарю, внедренному в охрану Морталюк. Миллиардерша подозрительна, жестока и обладает сверхъестественным чутьем, но Бондарь и не таких сбивал с толку. И, похоже, он уже знает, где ее ахиллесова пята...

© Донской С. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Донской

Фатальный ход

Пролог

При каждом выдохе в темноте появлялось радужное облачко пара. По цвету это напоминало бензин, расплывающийся в черной луже. Бондарь, одетый как заправский горнолыжник, осторожно положил на снег свое снаряжение. К сожалению, это было не оружие, и состояло оно всего лишь из пары лыж и двух лыжных палок.

«Палки как палки, – решил он, пробуя одну из них на прочность. – Я не ас слалома, чтобы определить, чем они хуже или лучше других. А как насчет лыж? – Бондарь критически прищурился. – Похоже на универсальную конструкцию, с классическим боковым вырезом и стандартной заточкой. Гибкие, не слишком короткие и не слишком длинные, достаточно широкие, чтобы не вязнуть на целине. В общем, подходящие лыжи, – сказал себе Бондарь. – Главное, чтобы я сам не подкачал».

Подумав так, он с сомнением покачал головой и хмыкнул, догадываясь, сколько опасностей подстерегает его на крутом склоне горы Фишт. Это был последний западный бастион Главного Кавказского хребта. Высота грандиозной базальтовой пирамиды лишь самую малость не дотягивала до трех километров. Несмотря на то что Бондарь находился не на самой вершине горы, а на ее склоне, испытание ему предстояло серьезное. Условия были, что называется, экстремальные. Отсутствие настоящего опыта и мастерства беспокоило Бондаря даже сильнее, чем перспектива погони, которая неминуемо начнется, как только его отсутствие будет замечено. Сумеет ли он тягаться со всеми этими молодыми, ладными, спортивными парнями, которые числятся здесь инструкторами и явно знают толк в скоростном прохождении трассы? Ладно, время покажет, флегматично рассудил Бондарь. Пока что оно работало на него.

Была ночь. Глухая, темная, морозная. Фантастически красивая. Полная, чуть сплюснутая луна серебрилась в сияющем ореоле. Ювелирно ограненные звезды казались неправдоподобно крупными и яркими. Снежная гладь сверкала и переливалась, словно посыпанная алмазной пылью. Но любоваться этим почти космическим пейзажем было некогда.

Опустившись на колено, Бондарь занялся лыжами. Он воткнул ботинок в паз держателя, закрепил каблук, отрегулировал жесткость крепления. Встал, наклонился и защелкнул второй ботинок. Оставалось затянуть ремни безопасности, которые удержат лыжи, если крепления расстегнутся при падении. Это оказалось непростой задачей, поскольку мороз стоял нешуточный. Озябшие пальцы Бондаря делались все более одеревенелыми и непослушными. Полторы минуты ушло на то, чтобы продеть кончик ремешка в пряжку. То же самое повторилось при возне со вторым ботинком. Когда Бондарь выпрямился, его скрюченные пальцы едва протиснулись в перчатки. «Жаль, что нельзя скатиться уже знакомым маршрутом», – подумал он, поудобнее обхватывая палки. Но внизу находились сторожевые посты, и, только обманув их, Бондарь мог надеяться добраться до равнины целым и невредимым. Если, конечно, не переломает кости при спуске. Короче говоря, или грудь в крестах, или голова в кустах, хотя в случае чего голову еще поискать придется.

– Ну, поехали, – прошептал Бондарь.

Повинуясь собственному приказу, он опустил очки и, резко оттолкнувшись, покатился по склону, постепенно забирая вправо, чтобы уйти подальше от накатанной лыжни. С одной стороны, отчетливый одинокий след на рыхлом снегу выдаст преследователям направление его маршрута, но, с другой стороны, незнакомая дорога не позволит им развить ту скорость, которую они демонстрируют на изъезженной вдоль и поперек трассе. Это в какой-то мере уравни-

вало шансы преследователей и беглеца. Ведь Бондарь не являлся профессиональным горнолыжником. Предстоящий слалом по пересеченной местности был для него одним из самых сложных и опасных испытаний, когда-либо выпадавших на его долю. При таких условиях даже имеющаяся фора не обеспечивала ему победу. За выигрышный приз под названием «Жизнь» предстояло еще хорошенько побороться. Держа палки в свободно вытянутых руках, Бондарь скользил вниз, следя за тем, чтобы лыжи не соприкасались и не расходились слишком далеко. Между его коленями постоянно сохранялся небольшой зазор, а ботинки отстояли друг от друга «на волосок меньше ширины плеч», как говорил инструктор. Несмотря на то что пока все шло гладко, на первом же по-настоящему крутом спуске Бондарь с трудом удержался на ногах. Осторожность требовала принять низкую стойку, чтобы смягчить возможное падение. Знакомый всем импульс: в случае опасности втянуть голову в плечи, съежиться и прижаться к земле...

Как бы не так! Отключив рациональное мышление, Бондарь лишь слегка пригнулся и распрямлялся вновь, заставляя себя сохранять преимущественно высокую стойку. Она избавляла его от перенапряжения мышц, приводящего к боли и судорогам в области бедер. Любой, кто прислонится спиной к стене, приняв такую позу, как будто он сидит на воображаемом стуле, может представить себе, каково это – долго находиться на согнутых ногах. Кроме того, прямая стойка обеспечивала Бондарю наибольшую устойчивость и позволяла быстрее реагировать на постоянные изменения рельефа.

Пока что спуск шел нормально. Стекла очков окрашивали местность в зеленоватый оттенок, отчего казалось, будто Бондарь под водой, где-нибудь на дне морском. Далекие ели казались темными островками водорослей, разбросанными по светлому песку. Однако было слишком холодно, чтобы поверить этой экзотической иллюзии. И под лыжами определенно поскрипывал снег, а не коралловый песок.

Вжик... вжик... Справа промелькнули контуры недавно возведенной станции канатной дороги. Причудливый светящийся купол смахивал на глубоководный батискаф. Засмотревшись на крохотную человеческую фигурку, прильнувшую к стеклу, Бондарь едва не налетел на груды строительного мусора, увенчанную снежной шапкой.

Горнолыжный комплекс «Лунная поляна» еще не сдали в эксплуатацию, однако он почти уже был готов принимать туристов. Уже запустили три канатно-буксировочные дороги, две канатно-кресельные и одну маятниковую, мимо которой проехал Бондарь.

Последняя подвесная дорога представляла собой грандиозное сооружение на сейсмостойких опорах. По сверхпрочным тросам ходили два открытых вагончика, вмещающие в себя по сорок человек каждый. Когда один опускался вниз, второй с такой же скоростью возвращался к станции. Маятниковая канатная дорога позволяла подняться на высоту 2266 метров за 8 минут, но в экстренном режиме работала в полтора раза быстрее.

Таким образом, человек, находившийся на станции, теоретически мог очутиться у подножия Фишт раньше его. Вагон развивал скорость до четырехсот метров в минуту, а Бондарь спускался со скоростью около сорока километров в час, однако сразу за станцией он был вынужден постоянно притормаживать или выписывать зигзаги, огибая камни, пни и заснеженные стволы сосен. Просека, выбранная им, не была приспособлена для скоростного спуска, но изменить маршрут он уже не мог.

И все же пушистый снежный покров придавал Бондарю уверенности. Слегка меняя наклон, пружиня обеими ногами и перенося вес тела с одной ноги на другую, он легко обходил препятствия. При резких поворотах из-под лыж вылетали фонтаны снега, искрящегося в лунном свете. Пьянящее ощущение скорости притупляло инстинкт самосохранения. Ведь Бондарь был первопроходцем, покоряющим еще никем не освоенный, после обильного снегопада, склон. Он испытывал непередаваемый восторг, скользя черной точкой по гигантскому белоснежному листу. Прочерченная Бондарем линия была извилистой и четкой. Линия жизни.

Линия, готовая оборваться в любой момент. Его стремительная тень выглядела контрастной, как при магниевой вспышке. А луна сияла ярче осветительной ракеты. Серебристые нити канатной дороги убегали далеко вперед, сливаясь с ажурными опорами.

Но что это? Услышав, как запели, зачирикали тросы над головой, Бондарь чертыхнулся. Это пришли в движение подвесные вагоны. Бондарь не видел тот, который приближался сзади, зато имел возможность отлично рассмотреть вагон, поднимающийся к вершине. Выкрашенный в цвет яичного желтка, он был обтекаем, как субмарина или дирижабль.

А что, если охранники не гонятся за беглецом? Что, если они спешат ему навстречу, отрезая путь вниз?

Мысль, осенившая Бондаря, была ошеломляющая в своей ясной простоте. Так и есть. Охота началась. Можно было не сомневаться, что охранник, заметивший подозрительного лыжника в районе станции, дал общую тревогу. В таком случае по следу Бондаря были пущены загонщики, а стрелки находились сейчас в таком нарядном и безобидном на вид вагоне.

В том самом, который неумолимо приближался снизу!

«Желтая субмарина» постепенно увеличивалась в размерах. Забирая вправо, Бондарь начал уходить из-под канатов. Они уже не пели, а ныли, срываясь на злобный визг. Неожиданно раздался совсем другой звук: резкий, громкий, раскатистый: «Шара-ах-х-х!»

Выше по склону взметнулся грязно-белый гейзер, окутанный вихрящейся снежной пылью. Следующий взрыв прозвучал прямо по курсу, вынудив Бондаря не только затормозить, но и припасть на колено. Находившиеся в проплывающем мимо вагоне лупили из подствольного гранатомета, причем умело и расчетливо, почему-то не пуская в ход сам автомат. Причина этого стала понятна, когда очередная взрывная волна подхватила Бондаря и завертела его колесом вместе с тарахтящими палками и лыжами. Его не собирались убивать. Выстрелы из гранатомета направлялись таким образом, чтобы сбить его с ног. Подтверждением тому стала пауза, наступившая после того, как цель была достигнута. «Желтая субмарина» остановилась, зависнув за спиной барахтающегося в снегу Бондаря. Приняв сидячую позу, он первым делом сорвал треснувшие очки и отшвырнул их в сторону. Не до карнавала.

Голова гудела, как колокол. Бондарь помотал ею и сплюнул. Слюна оказалась красной, словно на снег капнули вишневым вареньем. Только вкус был не сладкий, а соленый. Кувыркаясь, он прокусил щеку, хотя руки-ноги были, кажется, целы. Лыжи – тоже. Стянув перчатки, Бондарь занялся расстегнувшимся креплением.

– Эй, не вздумай, – предупредил его человек, высунувшийся из вагона. – Ты у меня на мушке.

– А ты у меня на х... – бросил Бондарь через плечо. Это прозвучало достаточно громко и вызывающе. Гранатометчик в фуникулере занервничал.

– Гляди, ты у меня дождешься! – предупредил он.

– Да пошел ты...

Раскачивающийся вагон походил издали на нелепую елочную игрушку, но пренебрежение Бондаря было вызвано не этим. Поскольку его не пристрелили сразу на месте, то любые угрозы сделать это чуть позже являлись самым обыкновенным блефом. Он был нужен им живым, а не мертвым. Это предоставляло Бондарю свободу действий. Относительную, конечно, как и все в изменчивом подлунном мире.

Проверяя свою догадку, он встал, повернувшись к вагону спиной. Оттуда немедленно вылетела граната, взорвавшаяся в опасной близости от Бондаря, но все-таки не причинившая ему ни малейшего вреда. Судорожно зевнув, чтобы избавиться от пробок в ушах, он оттолкнулся палками и помчался вниз.

Надеяться на божью помощь, Министерство чрезвычайных ситуаций или доблестных сотрудников милиции не стоило. Даже если жители поселка Солохаул и слышали взрывы, то

приняли их за фейерверки в честь Рождества. Сегодня же наступило 25 декабря, а доморощенных католиков в православной России развелось выше крыши. И Рождество отмечают, и Хэллоуин, а некоторые и американский День независимости за компанию. Сплошные праздники – хоть стой, хоть падай. Всеобщее похмелье на чужом пиру. Бах... Бабах... Ба-ба-бабах... Раскаленные осколки остервенело шипели, плавя снег. Все-таки это была довольно рискованная пиротехническая забава, учитывая то, что после недавнего снегопада взрывы запросто могли вызвать сход лавины.

Покинув опасную зону, Бондарь покатился дальше, стремительно удаляясь от канатной дороги. Просека вывела его на открытое пространство. Здесь уклон делался более пологим, но это никак не сказалось на скорости, поскольку отпала необходимость лавировать между препятствиями. Усталые мышцы, на славу потрудившиеся при бесчисленных поворотах, наконец получили небольшую передышку. Все, что требовалось от Бондаря, это сохранять равновесие при спуске. По инерции он сам ехал вниз... прямо на редкую цепочку из человеческих фигур, возникшую впереди! В сравнении с величественными масштабами горного массива они смотрелись безобидными черными мошками на белом покрывале, однако это было обманчивое впечатление. Их было пятеро, все они стояли на лыжах и, насколько он разглядел, были вооружены короткоствольными автоматами. Подтверждением этому стали пляшущие огоньки и пунктиры трассирующих пуль, разрезающих темноту снизу доверху. Набрав полные легкие воздуха, Бондарь продолжал мчаться прямо на лыжников, решив, что вилять и юлить бессмысленно. Если отдан приказ вести огонь на поражение, то его прикончат в любом случае. Уворачиваться от очередей из пяти стволов бессмысленно. Никакие зигзаги и виражи не помешают стрелкам попасть в приближающуюся мишень. Тем не менее они продолжали тратить патроны впустую. Алые прочерки пуль выполняли ту же самую функцию, что и бездарно израсходованные гранаты: Бондаря пытались остановить. Он был нужен врагу живым любой ценой. Его боялись даже слегка зацепить, не то что срезать автоматной очередью. Такой щепетильностью грех было не воспользоваться, и Бондарь не упустил предоставленного ему шанса. Издав боевой клич, он пошел на прорыв.

В каждой цепи есть свое слабое звено. Шеренга автоматчиков, перекрывших спуск к подножию Фишт, не являлась исключением из общего правила. Третьим справа стоял высокий плечистый парень двадцати четырех лет, отлично экипированный, физически крепкий, морально устойчивый, тренированный, плечистый, лишенный каких-либо существенных пороков. Мастер спорта по биатлону, соответственно отличный лыжник и стрелок, он не видел особых проблем в том, чтобы остановить человека, удирающего с главной базы.

Когда парня и его товарищей подняли по тревоге, они еще только готовились ко сну, обмениваясь грубоватыми шутками, принятыми в их сплоченном мужском коллективе. Была рождественская ночь, и они засиделись за праздничным столом. Опустошили одну бутылку шампанского на пятерых, посмотрели телевизор, перекинулись в картишки. Операция по задержанию беглеца показалась им отличным поводом проветриться. Почему бы не подышать свежим воздухом перед сном?

Действительно, почему бы нет? И парень дышал, пытаясь достать языком кусочек курицы, застрявший в зубах после праздничного застолья. А потом с наслаждением жал на спусковой крючок, следя за красочными хитросплетениями трассирующих пунктиров. Он стрелял и ждал, когда же этот идиот, несущийся навстречу, додумается упасть на снег и поднять лапки вверх. Наверное, совсем голову потерял от страха, размышлял парень. Немудрено. Под перекрестным огнем любой в штаны наложит. Первые признаки беспокойства он ощутил, когда обнаружил, что чокнутый лыжник почему-то мчится на него, а не на товарищей. Парню это не понравилось. Ситуация изменилась, нужно было срочно менять тактику. Жаль, что нельзя всадить в беглеца пулю, подумал он. Как же быть? Пропустить его и пуститься следом? Или попытаться сбить его с ног, когда тот будет проноситься мимо?

Это была хорошая и, главное, своевременная мысль.

– Держи его! – крикнули парню сразу с двух сторон.

– Сам знаю. – Выплюнув зажеванный кусочек мяса, парень прищурился и приготовился к броску.

По его расчетам, беглец должен был проехать мимо него на расстоянии одного или двух метров. Как же его фамилия? Ага, Бондарь, чуть ли не Джеймс Бонд, надо же! Н-да, отчаянный тип, этого у него не отнять. Готов чуть ли не на таран идти, спасая свою шкуру. Что ж, пришло время охладить его пыл.

Парень оставил автомат в покое и слегка присел, собираясь сшибить Бондаря одним прыжком. Тот заметил его приготовления и даже начал притормаживать, словно опасаясь неминуемого столкновения, однако, как выяснилось в следующую секунду, он ошибался. Занесенная лыжная палка – вот и все, что успел он увидеть, прежде чем острая боль пронзила его глазное яблоко. Вцепившись обеими руками в древко импровизированного копья, он рухнул на колени, оглашая округу таким диким воем, которому позавидовали бы волки.

Дальнейшего развития событий он, разумеется, не видел, поскольку надолго потерял способность адекватно воспринимать действительность. А продолжение было весьма впечатляющим.

Всадив острие правой лыжной палки в глаз противнику, Бондарь тут же избавился от левой и стал наращивать скорость, прижав освободившиеся руки к бедрам. Командир маленького отряда выхватил мобильный телефон и заорал:

– За ним! Этот гребаный шпион не должен добраться до поселка!

Трое лыжников синхронно выполнили поворот прыжком, эффектно крутанувшись в воздухе на сто восемьдесят градусов. Не сводя мстительных взглядов с согнутой спины беглеца, они ринулись в погоню, позволив короткоствольным автоматам свободно болтаться на ремнях. Приказа убивать по-прежнему не было, но кулаки каждого из преследователей чесались все сильнее. Дай им волю, они бы прикончили Бондаря голыми руками прямо на месте.

Думали ли они о том, что эта ненависть взаимна?

Пять минус один осталось четыре. Не слишком обнадеживающая арифметика, но для начала уже неплохо.

Взвешивая свои шансы, Бондарь продолжал мчаться по исполинскому снежному откосу. Его лыжи отзывались радостным визгом на малейший поворот, но сам он лишь покрепче стискивал зубы. Не слишком приятно находиться в роли зайца, улепетывающего от своры гончих. Тем более что прыти и целеустремленности им было не занимать.

Трое лыжников неслись за Бондарем как привязанные. Казалось, между ними протянут невидимый трос, не позволяющий беглецу оторваться от погони. Лыжники шутя повторяли маневры Бондаря, постепенно беря его в клещи. Неужели они добьются своего?

Скорость становилась критической. Встречный ветер обжигал кожу, высекал слезы из глаз и леденил нутро. Снизу на Бондаря летел густой ельник, продраться сквозь который нечего было и мечтать. Приняв левее, он едва не вскрикнул от неожиданности. Вот те раз! Прямо по курсу тянулась непреодолимая ограда из металлической сетки. А ниже – расчищенное от заносов шоссе, окаймленное высокими снежными валами. По нему двигалась колонна автофургонов с включенными фарами. Можно было даже разглядеть крупные эмблемы на их бортах, но Бондарю было не до этого. Он сконцентрировался на поисках выхода из ловушки, в которую угодил. Заметив протоптанную людьми тропу, он заскользил параллельно ей, и интуиция его не подвела. Следы вели к большой дыре в металлической сетке. Так себе сокращали дорогу те, кто таскал стройматериалы с территории горнолыжной базы. Дыра стремительно приближалась. Диаметром около полутора метров, с неровными краями, она казалась отверстием гигантского пылесоса. Или проскочит, или расшибется к чертовой матери!

«Не промахнуться бы», – посетовал присевший на корточки Бондарь, но глаза не зажмурил. Стоило хоть чуточку качнуться или отклониться от курса, и его, сжавшегося в комок, ударит об сетку, как теннисный мяч. На такой скорости это было все равно что броситься под машину. У-ух! Дыра всосала Бондаря и выплюнула по другую сторону ограды. Он не увидел, как двое преследователей в точности повторили его маневр, а последний, зацепившийся курткой за проволочную бахромку, покатился дальше уже не на лыжах, а кубарем, екая селезенкой при каждом ударе о землю.

Бондарь не оглянулся. Направив лыжи на высокий бруствер, созданный снегоочистителем, он на всякий случай мысленно попрощался с жизнью.

Он никогда не совершал прыжков с трамплина. Не знал, как нужно правильно планировать и что делать в момент приземления. Он просто перелетел через снежный гребень и взмыл в воздух. Сердце замерло, время остановилось. Бондарь завис над полотном дороги, как в тягостном сне, где все происходит медленно и неотвратно.

Краешек правого глаза видел громаду удаляющегося автофургона с логотипом «Ivesco» на заиндевевшем полотне. Слева надвигался следующий грузовик. Ярко освещенный, но не ослепленный лучами фар, Бондарь слышал рокот двигателя, видел боковым зрением не только силуэт шофера за лобовым стеклом, но и мельчайшие детали кабины, видел, как по обе стороны от нее вздымаются белые крылья снежной пыли. Казалось, так будет продолжаться вечно, но рывканье автомобильного клаксона послужило сигналом, по которому замедленное восприятие сменилось лихорадочной сменой отрывочных кадров.

Раз! Лыжи соприкоснулись с насыпью на противоположной стороне дороги. Два! Бондаря подбросило вверх, как на батуте. Три! Он снова умудрился опуститься на обе лыжи и, отчаянно балансируя, понесся дальше.

За спиной раздались идентичные по звучанию удары, сопровождавшиеся душераздирающими воплями. Промежутки между ними были очень короткими: глухой стук – крик, глухой стук – крик. Протяжные гудки автомобилей образовали нечто вроде грянувшего и смолкшего похоронного оркестра: ду... ду... ду-ду...

Все это свидетельствовало о том, что гонка с преследованием завершилась. Проехав еще пару сотен метров, Бондарь затормозил и оглянулся.

Уменьшившиеся до размеров спичечных коробков грузовики стояли, растянувшись по всей дороге. Невозможно было определить, что именно там произошло, однако это было не так уж и важно. Главное, что последующие прыжки через шоссе оказались не такими удачными, как тот, который совершил Бондарь. То ли преследователей посшибало кабинами, то ли они угодили в завихрения воздуха за фургонами, но факт оставался фактом: рождественская ночь для них закончилась.

Бондарь вытер взмокшее лицо и прислушался к себе, стараясь определить, надолго ли еще его хватит. В боках колело, легкие разрывались, к горлу подступала тошнота. После такого отчаянного марш-броска трудно было заставить себя продолжать двигаться вперед, и все же Бондарь поехал дальше. Уклон здесь был пологим, так что никаких сверхчеловеческих усилий не требовалось. Просто стоять на лыжах, сохранять равновесие и поддерживать трясущиеся колени руками. Давно уже Бондарь не чувствовал себя таким измотанным. Дыхание срывалось на всхлипывания, веки с заледеневшими ресницами сделались непомерно тяжелыми, лыжи норовили перекреститься или разъехаться в стороны. И все же он почти достиг цели. Впереди виднелись редкие огоньки поселка. До них оставалось около километра. В Солохауле, конечно, не спрячешься, но там можно будет найти машину, чтобы добраться до Сочи или Дагомыса.

Так вяло размышлял Бондарь, понимая, что, несмотря ни на что, праздновать победу рано. Очень скоро выяснилось, что его скептицизм был обоснован. Когда конец был так близок, он все-таки проиграл.

Глава 1

13 декабря в 9:03 в самом центре Москвы, в двух минутах ходьбы от Красной площади – на углу Петровки и Столешникова переулка, остановился дивный шестидверный лимузин, сверкающий черным лаком и серебристым хромом.

Это не был банальный «Линкольн», как решило бы большинство уличных зевак, плохо разбирающихся в автомобилях подобного класса. У входа в отель «Марриотт Ройял Аврора» торжественно застыл представительский восьмиместный «Кадиллак»-лимузин длиной 6 метров 64 сантиметра. Специалист, приметивший микропрожекторы на корпусе автомобиля, мигом смекнул бы, что они предназначены для того, чтобы освещать президентский штандарт и национальный флажок. И действительно, не далее как месяц назад именно этот «Кадиллак» был подан к трапу самолета, доставившего в Москву президента Соединенных Штатов.

Чтобы приобрести такую машину в личное пользование, было недостаточно обладать определенной суммой денег. Новый владелец должен был иметь доступ в святая святых Кремля, ибо именно там решалась дальнейшая судьба «Кадиллака». Кстати говоря, на него претендовали сразу четверо высокопоставленных членов правительства, однако предпочтение было отдано частному лицу. Тому самому, которое и прибыло сейчас в «Аврору».

Весьма влиятельные и состоятельные люди были частыми гостями этого отеля. Стандартный номер без завтрака стоил здесь 525 долларов за ночь, однако дороговизна не отпугивала, а, напротив, привлекала тех, кто стремился всячески подчеркнуть или просто прочувствовать свою исключительность.

Вспотевший от приступа подбострастия швейцар засеменил к «Кадиллаку», боясь упустить щедрые чаевые. Его взгляд был взглядом изголодавшегося барбоса, почуявшего запах дармового угощения. Опередив важного водителя в униформе, он первым подскочил к задней дверце «Кадиллака», распахнул ее и едва не лизнул мужскую руку, сунувшую ему тысячерублевую купюру. Эта же рука сделала властный жест, отвергая дополнительные услуги швейцара заодно с его благодарным скулежом.

– Ступай, ступай, папаша, – поморщился молодой человек, выбравшийся на тротуар. Был он вальяжен, ухожен, умеренно мордаст и упитан, но на владельца лимузина не тянул. Уже один только наушничек, предательски торчащий из ушной раковины молодого человека, выдавал в нем заурядного телохранителя, не говоря уже о зеркальных каплевидных очках и демонстративно распахнутом пиджаке. Его напарник, без наушничка, но зато при микрофончике у рта, распрямился по другую сторону «Кадиллака». Поворачивая головы, оба просканировали взглядами публику у входа в отель, после чего первый телохранитель наклонился и тихо доложил:

– Можно выходить, Маргарита Марковна.

Дальнейшее происходило в лучших кинематографических традициях. Из недр лимузина возникла облитая тончайшим эластичным полиамидом нога невидимой дамы, на мгновение зависла в воздухе и ступила на тротуар. Находившиеся поблизости мужчины дружно уставились на эту ногу. Женские взгляды скрестились непосредственно на туфельке со стилетообразным каблуком. Трудно было даже представить, сколько могло стоять это заморское чудо. А уж когда дама из «Кадиллака» предстала перед собравшимися во всей своей красе, то вздрогнувшие от зависти женщины одновременно почувствовали себя униженными и оскорбленными. Восставшую из пепла и тлена Мэрилин Монро – вот кого увидели перед собой присутствующие. Белокурую диву, гарцующую на каблуках в норовящей соскользнуть с обнаженных плеч соболиной шубе. Узкое, как перчатка, платье дивы казалось отлитым из металла, но в то же время выглядело невесомым, как паутина. Да, несомненно, это была Мэрилин Монро, но не та,

которую схоронили в начале шестидесятых, а сверхновая звезда XXI века, хотя, как и много лет назад, она пользовалась духами «Шанель № 5».

Ее прическа была тоже выдержана в стиле ретро, как и сумочка с платиновым треугольником, помеченным клеймом Prada. И женщины во все глаза смотрели на эту замечательную сумочку, пока мужчины пялились то на ноги, то на декольте дивы. Ее бюст был приподнят и обнажен ровно настолько, чтобы будить воображение, не позволяя в точности домыслить то, что оставалось скрытым от нескромных взоров. Декольте, наряд и множество украшений выполняли еще одну очень важную функцию: они отвлекали внимание публики от деталей, способных выдать истинный возраст новоявленной Монро. Признаки увядания не бросались в глаза, однако явно присутствовали во внешности шикарной дамы. Приопущенные уголки ярко накрашенных губ. Дрябловатые веки. Едва заметные шрамы за ушами, свидетельствующие о том, что если красота действительно и спасет мир, то сделает это лишь с помощью специалистов по пластической хирургии.

Даме, горделиво прошеествовавшей через холл отеля, могло быть как тридцать пять, так и все пятьдесят пять лет. Она не любила говорить о своем возрасте и о своем прошлом, это было табу. Вот почему апартаменты в «Марриотт Ройял Авроре» были зарегистрированы на имя ее доверенного лица. И вот почему Интерполу, разыскивавшему Маргариту Марковну Морталюк на протяжении семи с лишним лет, ничего не было известно о ее местонахождении.

Впрочем, интерполовцы усердствовали не слишком, равно как и правоохранительные органы сразу нескольких республик бывшего Советского Союза. В свое время госпожу Морталюк объявляли в розыск на Украине, в Белоруссии и в России, на территории которой она находилась в настоящий момент. Ее как бы искали, но и не находили. Дело было не в способности Маргариты Марковны становиться невидимой. Не в ее сбивающем с толку кинозвездном воплощении. Просто когда размер состояния человека исчисляется девятизначными числами в долларовом эквиваленте, он возносится на некий недостижимый пьедестал, откуда равнодушно взирает на суету у своих ног.

Взгляд госпожи Морталюк был преисполнен ледяного презрения. Персональный дворецкий, поступивший в ее распоряжение, еще никогда не чувствовал себя столь маленьким, невзрачным и жалким, как сейчас. Он был букашкой, которую можно было уничтожить одним плевком или движением пальца. Пожелай гостя отеля топнуть ногой или негодуяюще повысить тон, и с дворецким будет покончено. Прощай тогда квартира, приобретенная в кредит, юные подружки и вожделенный отпуск в Египте!

Дворецкий шумно сглотнул слюну и приказал себе держаться до последнего. Точно так же поступил в ноябре 41-го его дед. Дворецкий не собирался пасть смертью храбрых в боях под Москвой, но и терять доходное место тоже не хотел. Подобно деду, оказавшемуся на пути немецкого танка, он собрал волю в кулак и ждал. Наконец тягостная пауза была нарушена немелодичным голосом VIP-персоны, столь разительно похожей на Мэрилин Монро, что при взгляде на нее было невозможно отделаться от ощущения дежавю.

– Ты знаешь, любезный, почему я выбрала именно ваш отель? – спросила она, раскинув руки вдоль спинки дивана, на котором сидела. Стоящий напротив дворецкий утвердительно наклонил голову:

– Наш сервис и комфорт?..

Недовольная гримаса собеседницы заставила его оборвать фразу на полуслове.

– Начхать мне на ваш сервис и на ваш комфорт, – пренебрежительно произнесла госпожа Морталюк. – За те деньги, которые я плачу, меня окружают заботой и вниманием в любой точке земного шара. Не так ли?

– Совершенно с вами согласен, Маргарита Марковна, – подтвердил дворецкий, дивясь тому, как сильно звучит его голос. Словно ангину подхватил или косточкой подавился.

– Тогда почему именно «Аврора», а не «Рэдиссон» или «Континенталь»?

– Не могу знать-с.

Дед дворецкого перевернулся бы в братской могиле, услышь он это «не могу знать-с», а вот прадед, служивший в молодости приказчиком у купчихи с Тверской, имел все основания гордиться своим находчивым потомком.

– Попробую пояснить, – сказала госпожа Морталюк таким тоном, словно подозревала дворецкого в умственной отсталости. – Насколько мне известно, ваша гостиница не имеет номеров с видом на Кремль, а меня это вполне устраивает. Ты любишь Кремль?

– Никак нет, – отрапортовал дворецкий в лучших традициях прадедовской эпохи. – Зачем мне его любить? Нам Кремль ни к чему.

– А ты дурень, любезный. – Констатация этого факта, похоже, доставила госпоже Морталюк немалое удовлетворение. – Кремль нам очень даже нужен. Куда нам без него? – Воскликание сопровождалось коротким хихиканьем, заслышав которое в темноте, любой нормальный человек непременно покрылся бы мурашками. – Там, – продолжала Морталюк уже совершенно серьезно, – сидит множество полезных, весьма полезных людей, понимающих нужды большого бизнеса. Лично мне нравится Кремль. Но...

– Но? – Словно в апартаментах завелось эхо, готовое подхватить каждое слово поселившейся здесь важной персоны.

– Но любоваться им слишком часто утомительно. Как и все в этом мире.

– Понимаю, – энергично кивнул дворецкий.

– Сомневаюсь, – вздохнула госпожа Морталюк. – Впрочем, это не важно. Бог с ним, с Кремлем. Я пригласила тебя, чтобы поговорить о гостинице. Что ты о ней думаешь?

Чтобы ответить на столь простой вопрос, дворецкому понадобилось не менее десяти секунд. За это время он успел не только обвести взглядом помещение, но и взглянуть назад, как бы желая удостовериться, что находится в бизнес-гостиной номера VIP, а не где-нибудь у черта на куличках. За его спиной действительно находилась двойная дверь, открывающаяся лишь с помощью специальной ключ-карточки. По правую руку от дворецкого высилось огромное окно, сквозь которое, как ни старайся, не увидишь Кремль. Слева – два кресла и стол с принтером и факсом. Прямо по курсу – бирюзовый диван, на котором восседает временная владелица апартаментов. Ее сходство с американской кинозвездой сбивало с толку. Заставляло ощущать себя участником какого-то телешоу или веселого розыгрыша. Но аплодисментов и призов в конце не предвиделось. Совсем даже наоборот. Осознание этой истины вернуло дворецкому дар речи.

– «Аврора» – самый фешенебельный и солидный отель столицы, – заговорил он, надеясь, что это действительно так. – Сервис и безопасность на высочайшем уровне. Посторонние могут проникнуть к нам только при согласовании с отделами по связям с общественностью.

– Разве я просила читать мне лекции? – холодно осведомилась Морталюк. – Нет? Тогда отвечай на поставленный вопрос. Коротко и ясно. Что ты думаешь о гостинице?

– Она первоклассная. – Дворецкого так и подмывало истово перекреститься. – Самая современная. Лучше ее во всей Москве не найти.

– Неужели? – хихикнула госпожа Морталюк. – А вот у меня сложилось иное мнение. Во-первых, – она загнула палец с хищным малиновым ногтем, – мне не нравится планировка коридора. Он расположен на двух уровнях. Создается такое впечатление, что вашу «Аврору» проектировали для всяких там инвалидов в колясочках...

– Вы ошибаетесь, Маргарита Марковна. Дело в том, что рельеф местности...

– Во-вторых, – продолжала госпожа Морталюк, загибая следующий палец, – меня предупредили о том, что бар в лобби тесноват и вентиляция там никуда не годится.

– Я немедленно свяжусь с администратором, – начал дворецкий, – и мы...

Его речь была бесцеремонно оборвана на середине:

– В-третьих, почему в конференц-зале потолок такой низкий?

– Это, извините, вопрос не ко мне, – ответил дворецкий, в котором временно возобладали гены героического деда. – Потолки, извините, не входят в мою компетенцию. Не могу же я переделывать их по усмотрению каждого постояльца!

– Почему бы и нет? – задумчиво протянула госпожа Морталюк, зрачки которой затянуло нехорошей поволокой. – Если бы мне пришла в голову такая блажь, то именно этим ты занимался бы оставшуюся жизнь, любезный. Стал бы лучшим специалистом по переделке потолков и стен... Но у меня нет такого желания, – добавила госпожа Морталюк после затянувшейся паузы, на протяжении которой несчастный дворецкий забыл о необходимости пополнять легкие все новыми и новыми порциями кислорода. – Я просто перечислила тебе свои замечания с тем, чтобы ты хорошенько усвоил: угодить мне непросто. Понятно?

– О да, Маргарита Марковна! – Дворецкий с облегчением перевел дух.

– Тогда свободен. – Госпожа Морталюк извлекла из сумочки невероятно длинный мундштук, который как нельзя лучше подходил для того, чтобы указывать им на дверь.

– Постой! – нахмурилась она, останавливая дворецкого на середине пути. – Сначала дослушай до конца... – Мундштук многозначительно качнулся в воздухе. – В ближайшее время я со своими людьми буду находиться в конференц-зале. У нас намечаются гости, которых ты будешь приводить из лобби, если тебя об этом попросят. Кроме того, нами арендованы спортивный зал и сауна с бассейном...

– Я в курсе, – позволил себе реплику дворецкий, за что был награжден не просто презрительным, а убийственным взглядом.

– Вашим секьюрити может показаться, – монотонно продолжала госпожа Морталюк, – что мои люди и гости ведут себя шумновато. – Твоя задача успокоить охрану. Любые неудобства, причиненные нами, будут щедро оплачены. Как и возможные... гм, изменения гостиничного интерьера.

– Из...? Изме...?

– Из-ме-не-ни-я. Ты не ослышался.

– В таком случае, – сорвался на дискант дворецкий, – я буду вынужден поставить в известность главного менеджера.

– Именно об этом я и собиралась тебя попросить, любезный. – Госпожа Морталюк вскинула мундштук. Один из окаменевших подле дивана телохранителей ожил и, повинаясь жесту хозяйки, извлек из внутреннего кармана пиджака конверт, который был вручен дворецкому.

– Это деньги? – предположил он.

– Ты очень догадлив, – усмехнулась госпожа Морталюк. – Иди к начальству и уладь вопрос. Полагаю, щедрый благотворительный взнос будет способствовать правильному пониманию моих маленьких причуд. У тебя есть причуды, любезный?

– Нет, – твердо ответил дворецкий. – Никаких причуд у меня нет и быть не может.

– Надеюсь, что так. Надеюсь, что тебя не постигнет внезапный приступ kleptomании. Потому что если из конверта пропадет хотя бы одна сотня долларов, то тебе предстоит долгий и болезненный курс лечения.

– Обижаете, Маргарита Марковна!

– Обижаю, – почти весело подтвердила госпожа Морталюк. – В этом-то и состоит вся прелесть моего положения. Я могу унижить любого, а меня – никто. – Она сорвалась на мелкое хихиканье, начавшееся и оборвавшееся так резко, словно в мозгу Морталюк перемкнуло некое реле. – Хотелось бы тебе оказаться на моем месте, любезный?

– Нет, – еще тверже повторил дворецкий. – Меня мое место вполне устраивает.

– И ты не хочешь его лишиться, м-м?

– Ни за что на свете, Маргарита Марковна.

– Ну так действуй, – взмахнула мундштуком госпожа Морталюк. – Будь исполнитель, расторопен, не задавай лишних вопросов, и все обойдется. Ступай, дружок, ступай.

Дворецкий вывалился в коридор с таким очумелым видом, словно провел последние полчаса не в первоклассном гостиничном номере, а в горном забое, где произошла утечка метана. И все же, удаляясь от апартаментов госпожи Морталюк, дворецкий нашел в себе силы улыбнуться. Это была растерянная улыбка человека, чудом уцелевшего в смертельной схватке. Сумевшего отстоять если не всю Москву, то дорогой его сердцу уголок, свою уютную норку с ее содержимым.

Глава 2

Гостиничный конференц-зал номер три представлял собой просторное низкое помещение, пропитанное духом скучной респектабельности. Стол, выполненный в форме подковы, охватывал собой уголок живой природы, однако как-то не верилось, что золотые рыбки, уныло плавающие в искусственном озерце, – настоящие, а зеленые насаждения способны цвести и пахнуть.

Несколько авангардных полотен на стенах слегка оживляли обстановку, напоминая, что жизнь состоит не только из деловых переговоров и заседаний акционеров. Других ярких предметов в конференц-зале не имелось. Интерьер был выдержан в приглушенных тонах – фон, на котором Маргарита Марковна Морталюк смотрелась особенно экстравагантно.

Оставив шубу в номере и оставшись в облегающем платье на бретельках, она походила на Мэрилин Монро в большей степени, чем самая совершенная восковая копия кинозвезды. Идеально уложенные волосы блестели, словно парик, ткань платья струилась ртутными переливами, бриллиантовые серьги вспыхивали радужными блесками. Американцы сказали бы, что госпожа Морталюк выглядит на миллион долларов... и ошиблись бы. Один только мундштук в ее пальцах стоил в полтора раза дороже, не говоря уже об остальном. Она сидела за овальным столом, важная и неприступная, как статуя. Это представлялось очень странным. Нормальная женщина из плоти и крови ни за что на свете не потерпела бы соседства того кошмарного монстра, который пристроился по правую руку от Морталюк. Высокий, худой, с широкими, но почему-то покатыми плечами, он внушал окружающим не то чтобы страх, но непреодолимое отвращение. Его лицо было маской – кошмарной маской больного проказой или тяжелейшей формой оспы. Узкие щелки между его полуприкрытыми веками ничем не отличались от глаз дремлющего варана, да и кожа на жуткой физиономии выглядела так, словно ее позаимствовали у какой-нибудь крупной рептилии. Бугристая, изрытая застарелыми язвами, лоснящаяся и покрытая чуть ли не трупными пятнами, она вызывала желание немедленно отвернуться, чтобы не видеть перед собой этого безобразия.

Между тем обладатель жуткой физиономии нисколько не комплексовал по этому поводу и даже заботился о своей внешности, судя по элегантному костюму, подобранному в тон галстуку и ухоженной шевелюре. От этого мужчина выглядел еще более дико и отталкивающе. Фредди Крюгер смотрелся бы рядом с ним довольно милым парнем, а монстр Франкенштейна – и вовсе писанным красавцем. Почему же сказочно богатая и эффектная женщина терпела общество такого уродца? Что связывало их и каким образом он умудрился получить должность референта госпожи Морталюк? Очень многие задавались подобными вопросами, однако ответов на них не было. Это оставалось такой же тайной, как и история болезни помощника Маргариты Марковны. Просто он неотступно следовал за ней, и тем, кто имел дело с загадочной парой, приходилось мириться с фактом его существования.

Что же касается госпожи Морталюк, то она привыкла к внешнему виду своего верного спутника настолько, что, находясь в хорошем расположении духа, не брезговала трепать его по щеке. Отважиться на подобный жест была способна либо ангельская натура, либо отъявленная бестия. Заглянув в глаза Маргариты Марковны, можно было с уверенностью сказать: не ангел. Ее привязанность к ненавидимому всеми уроду объяснялась отнюдь не милосердием.

– Приступим, Юрасик, – распорядилась она, поигрывая мундштуком. – Кто там у нас на повестке дня?

Значительно откашлявшись, немолодой мужчина, названный Юрасиком, щелкнул клавишей ноутбука. Его нисколько не покорило фамильярное обращение хозяйки. Он и сам звал ее по имени: иногда – Маргаритой, иногда – Марго, в зависимости от обстоятельств. Слиш-

ком многое связывало госпожу Морталюк и Юрия Щусевича, чтобы соблюдать деловой этикет наедине.

Найдя нужную страницу электронного текста, он прочитал:

– Первым значится бывший майор МУРа Федор Туманцев, специалист по раскрытию особо тяжких преступлений.

– Возраст? – осведомилась Морталюк.

– Тридцать семь лет.

– За что уволен?

Скользнув взглядом по строчкам текста, Щусевич хмыкнул:

– Оказался впутанным в грязную историю, связанную с попыткой хищения воровской кассы, – имеется в виду так называемый общак. Авторитет по кличке Барсик приговорил Туманцева к смерти, вот он и мечется. Ищет покровителей, способных уберечь его от расправы.

– О какой сумме идет речь? – оживилась Морталюк.

– Без малого полмиллиона долларов, – доложил Щусевич.

– Ерунда. Терпеть не могу крохоборов.

– Удаляем из списка?

– Уже удалили, Юрик. Поехали дальше.

– Следующим идет некто Рукопашник, – продолжал Щусевич, отыскивая в кармане зажигалку. – Такой у него псевдоним.

– Идиотский псевдоним, – наморщила нос Морталюк, вставляя в мундштук сигарету. – Рукопашник, говоришь? И на что он годится, этот Рукопашник?

– Бывший спортсмен. Воевал в горячих точках, если верить анкете. Недавно стал участником боев без правил.

Говоря это, Щусевич смотрел на экран, однако не пропустил момента, когда следовало высечь из «Ронсона» язычок пламени.

– Благодарю, Юрик, – кивнула Морталюк, медленно выпуская дым через ноздри.

– Не за что, – пробормотал Щусевич, опуская зажигалку в карман.

Он гордился своим умением быть не просто необходимым, а незаменимым. Даже в мелочах. Хотя, когда служишь одной из самых богатых женщин планеты, о мелочах говорить не приходится. Взять хотя бы любимый мундштук госпожи Морталюк. Щусевич по личной инициативе приобрел его на аукционе Сотби, рискуя навлечь на свою голову гнев своенравной хозяйки, но, как всегда, сумел угодить, заслужив моральное и денежное вознаграждение. Госпожа Морталюк обожала безделицы, стоившие целое состояние. Ей было приятно сознавать, что она держит в руках мундштук, продав который можно было бы организовать бесплатный обед для четверти населения какого-нибудь крупного областного центра. Это ее вдохновляло. Мундштук был изготовлен в 1916 году Карлом Фаберже из горного хрусталя с идеальной прозрачностью. Вставленный в изысканную оправу из четырехцветного золота, украшенный дюжиной крошечных розовых бриллиантов и одним бирманским рубином цвета голубины крови, он являлся для госпожи Морталюк чем-то вроде миниатюрного скипетра, подтверждающего ее высочайший статус. Покуривая сигарету, вставленную в мундштук, она слушала продолжение доклада своего личного монстра и референта. Ароматизированным дымом госпожа Морталюк не затягивалась. Она намеревалась прожить на этом свете еще минимум лет сто. Сохраняя не только здравый рассудок, но и внешнюю привлекательность. На то у Маргариты Марковны имелись все основания.

Щусевич извлек из нагрудного кармана платок, осторожно промокнул гноящиеся уголки глаз и перешел к очередной кандидатуре:

– Иван Богданович Кряжиков, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры, – зачитал он. – Про таких говорят: важняк. Упрямый, настырный, несговорчивый, интеллектуально ограниченный человек. Выявлял коррупцию в высших эшелонах власти. Довывялялся... Теперь вот безуспешно ищет работу.

– Я из принципа не возьму такого, – заметила госпожа Морталюк, пуская колечки дыма. – Даже если он подойдет по всем прочим параметрам. Только борцов с коррупцией мне не хватало! У них дурная наследственность.

Если бы маска, которая заменяла Щусевичу лицо, была способна выражать эмоции, он не преминул бы улыбнуться, но, не имея такой возможности, он ограничился намеком на кривую гримасу.

– А тут у нас целый тандем, – объявил он с преувеличенным энтузиазмом. – Два любителя помахать кулаками. Гена Лютиков и Гоша Горелов. Каратисты-самоучки. Оба привлекались к уголовной ответственности за злостное хулиганство.

– Послушай, Юрасик, – недовольно произнесла Морталюк, извлекая дымящийся окурок из мундштука, – беспородные дворняжки нам тут не нужны. Какого черта ты морочишь мне голову всякими генами и гошами? Это ведь мелкое хулиганье, отребье. В Москве, что, настоящих мужиков мало?

– Гораздо меньше, чем мы рассчитывали, когда давали объявления, – признался Щусевич. – За две недели откликнулось около пятисот желающих, однако девяносто процентов отсеялись на первом же этапе, а дальнейшая проверка показала, что половина оставшихся дала о себе заведомо ложные сведения.

– Неутешительная статистика, Юрасик.

– Полностью с тобой согласен, Марго.

– Как же быть? – нахмурилась Морталюк. – Я не могу тратить столько времени и средств на поиски подходящего экземпляра.

Сверившийся со списком Щусевич осторожно кашлянул:

– У нас еще девятнадцать пунктов, Марго.

– Девятнадцать? Хм... Вот что, зачитывая досье на кандидатов, показывай мне их фотографии. – Морталюк самодовольно усмехнулась. – Данные данными, а женская интуиция превыше всего. Я вас, мужиков, насквозь вижу.

Пытаться прочитать эмоции на малоподвижном лице Щусевича было все равно что определять его возраст. Развернув ноутбук таким образом, чтобы хозяйка могла видеть экран, он щелкнул «мышкой» и высветил портрет мрачного лобастого типа с набрякшими подглазьями.

– Отставной полковник Главного разведывательного управления Брызгалюк, – прокомментировал Щусевич. – Преподносит себя как опытного разведчика и психоаналитика. Подходит по всем параметрам, но есть одно «но»...

– Без драматических пауз, пожалуйста, – поторопила помощника Морталюк. – Что ты имеешь в виду?

– У этого Брызгалюка небольшой сдвиг по фазе.

– Извращенец?

– Не совсем. Просто он любит выдавать себя за члена средневекового монашеского братства. – Щусевич снова воспользовался носовым платком. – Напускает туману. За эту эзотерику его из ГРУ и поперли.

– У меня тоже не теософское общество, Юрасик, – напомнила Морталюк. – Погляди, как у твоего Брызгалюка глаза запали. Какой-то свихнувшийся инквизитор, а не полковник. Никуда не годится. Нам нужны практики, а не мистики-аскеты. Дальше.

– Майор ВДВ Лавриков, – зачитал Щусевич.

– ВДВ? – вскинула брови Морталюк. – Расшифруй-ка.

– Воздушно-десантные войска.

– Парашютист, что ли?

– Умение прыгать с парашютом – лишь малая толика того, что умеют десантники. – Щусевич произнес это так, словно имел в виду самого себя, хотя в армии никогда не служил и вообще был медиком по образованию. – Лавриков побывал в пяти горячих точках, – продолжал он. – Подчиненные называли его ласково: Папаня.

– Почему Папаня?

– Был солдатам как отец родной.

– По физиономии заметно, – поморщилась Морталюк. – Лопухий, лупоглазый, нос картошкой... Такому папане место на дачном участке, а не в моей команде. Слуга царю, отец солдатам... Убери этого пентюха, чтобы глаза мои его не видели!

Уловив в тоне хозяйки нотки, предвещающие бурю, Щусевич понял, что пора выкладывать главный козырь, не то подбор кандидатов завершится выволочкой и наложением штрафа. Тщательно прочистив горло, он торжественно провозгласил:

– Капитан Бондарь Евгений Николаевич, сотрудник Оперативного отдела Управления контр– разведывательных операций ФСБ, тридцать один год.

– Увеличь изображение, – распорядилась Морталюк, откинувшись в кресле со скрещенными на груди руками.

С экрана на нее смотрел мужчина, которого, несмотря на правильные черты лица, никак нельзя было назвать красавчиком. Мешало чересчур жесткое, даже жестокое выражение его серо-голубых глаз. В резких очертаниях скул угадывалась привычка держать челюсти плотно сжатыми. Возле левого уголка губ имелась характерная морщинка, выдающая привычку улыбаться только одной половиной рта, но вертикальная складка между бровями свидетельствовала о том, что даже такая кривая усмешка появляется на лице Бондаря крайне редко.

«Хорош, – подумала госпожа Морталюк, забрасывая ногу за ногу. – Один из тех мужчин, которых действительно украшают шрамы. Интересно, кто ему оставил отметину на подбородке? Этот Бондарь не похож на человека, позволяющего лупить себя по мордам. Скорее он напоминает мне самурая из старых фильмов Куросавы, хотя внешность у него типично славянская. Причиной оптического обмана несомненно являются волосы – густые, черные и блестящие, как у заправского японца. Тщательно расчесанные на пробор, они выдают в Бондаре педанта и консерватора, который никогда не суетится, но всюду успевает. Мужчин этой породы не увидишь взъерошенными, растрепанными, с невымытыми шеями и запущенными ногтями. Что ж, кажется, подходящий экземпляр».

– Подозрительный экземпляр, – скептически обронила Морталюк, не отрывая глаз от портрета Бондаря. – Угрюмый какой-то, худой, осунувшийся.

– Что касается худобы, то это обманчивое впечатление, – поспешно сказал Щусевич. – При росте 183 сантиметра вес Бондаря почти идеальный: восемьдесят один килограмм.

– Это все, что о нем известно? – процедила Морталюк.

– О, тут на него целое досье, – возразил Щусевич, щелкая клавишами. – Желаете сначала с общей характеристикой ознакомиться или сразу перейдем к служебной?

– От общего к частному, – значительно произнесла Морталюк, усаживаясь поудобнее. Она испытывала приятное возбуждение, как в далекой молодости, когда бегала на фильмы с Аленом Делоном, а потом представляла себя в его объятиях. Нынешний сеанс сулил куда более острые ощущения.

...Федеральная служба безопасности России, как любое учреждение подобного рода, накапливала и хранила несметное количество самых разнообразных данных. Компьютерная система, из которой время от времени скачивал информацию Юрий Щусевич, именовалась ОБС СНГ – Объединенный банк сведений спецслужб СНГ. Имея купленный по случаю код доступа, не составляло труда извлечь из недр памяти ОБС личное дело капитана Бондаря.

По мановению пальцев, пробежавшихся по клавиатуре, открылся электронный шлюз нужного сервера, по которому устремился бурный поток килобайтов и мегабайтов. Буква к букве, пиксель к пикселю – и вот уже на экране компьютера возник виртуальный образ оперуполномоченного Бондаря Евгения Николаевича, подвергшийся пристальному изучению. Первое, на что обратила внимание госпожа Морталюк, – это отличная физическая подготовка капитана. В молодости он активно занимался боксом и плаванием, позже зарекомендовал себя великолепным стрелком, мастером рукопашного боя и вообще человеком, умеющим переносить боль и экстремальные нагрузки. Если бы не страсть к курению, Бондаря можно было бы смело записывать в отряд космонавтов.

– А он из особого теста слеплен, – заключила Морталюк.

– Вот как? – переспросил Щусевич. – Из какого же?

– Да уж не из блинного и не из сдобного. В этом человеке угадывается наличие сверхпрочного стержня. Того самого, которого ты, как и большинство современных мужчин, увы, лишен.

– Тебе виднее, – пожал плечами Щусевич, испытывая нечто вроде укола ревности.

По молодости лет, давным-давно, он спал со своей нынешней хозяйкой, но нежных чувств друг к другу они не испытывали, да и не умели испытывать. Почему же его коробит от азартного блеска в глазах старой знакомой? В конце концов подбор подходящей кандидатуры был в интересах самого Щусевича. Деликатно утершись носовым платком, он сказал:

– Решение за тобой; только сдается мне, Марго, что тебя ожидают неприятные сюрпризы. Идеальных людей не существует в природе. Ни женского, ни мужского пола.

– А кто тебе сказал, что мне нужен идеальный мужчина? – удивилась Морталюк. – Положительные герои скучны.

– Зато предсказуемы.

– Предсказуемость – лишь одна из составляющих скуки, Юрасик. – Фразу завершило то неповторимое хихиканье, благодаря которому госпожа Морталюк сразу выделялась в обществе уравновешенных людей, а поэтому обычно старалась сдерживаться.

Щусевич, которого давно не смущали манеры хозяйки, зато все сильнее задевал ее повышенный интерес к какому-то капитанишке ФСБ, пожал плечами.

– Чем больше я узнаю об этом Бондаре, – заявил он, – тем сильнее сомневаюсь. – Щусевич ткнул пальцем в экран. – Если верить написанному, то он супермен какой-то. Приближать к себе такого типа опасно, Марго.

– Разве ты забыл, что я обожаю чувство опасности, Юрасик? – Ноздри Морталюк расширились, глаза засверкали пуще прежнего. – Без этого жизнь пресна. Ну-ка, листай страницы, дружок. Мне не терпится перейти от теории к практике!

Щусевич заметил, что хозяйка вновь готовится закурить сигарету, но на этот раз предпочел сделать вид, что поглощен изучением досье. А оно и в самом деле оказалось прелюбопытным. Особенно конец.

Оказывается, недавно Бондарь был понижен в должности и лишен представления к очередному званию. Разобидевшись на начальство, он настрочил рапорт и две недели назад уволился со службы. Теперь Бондарь находился не у дел и искал другую работу. Очень кстати, как полагала Маргарита Марковна. Щусевич, подчинившись взмаху ее руки, выключил компьютер и застыл в ожидании новых распоряжений. На его лице не отражалось никаких эмоций, поскольку ороговевшая кожа препятствовала этому. Мимике Щусевича не позавидовал бы и аллигатор, а узкие смотровые щели, заменявшие ему глаза, были непроницаемы. Тем не менее Морталюк заметила нехорошие огоньки, промелькнувшие там, и высокомерно осведомилась:

– В чем дело? Ты чем-то недоволен, Юрасик? Как прикажешь это понимать? По-моему, ты сам предложил кандидатуру Бондаря.

– Это было до того, как я ознакомился с его личным делом, – процедил Щусевич, почти не разжимая челюстей.

– У тебя болят зубы? – Морталюк прищурилась. – Нет? Тогда изволь изъясняться членораздельно и ясно. Что тебя не устраивает в личном деле Бондаря? По-моему, очень даже впечатляющий послужной список.

– Даже чересчур.

– Не поняла.

– Все очень просто, – заторопился Щусевич. – Капитан работал на износ, но всему есть предел. Он исчерпал свои силы, выдохся и потерял хватку. Очень может быть, что с Лубянки его поперли именно по этой причине. Пф-ф! – Смешок, который издал Щусевич, прозвучал почти неприлично. – Даже самый преданный служебный пес не застрахован от пинка под зад.

Накрашенные губы Морталюк сложились в улыбку, от которой у Щусевич похолодели виски.

– А вот мы сейчас проверим твою теорию, Юрасик, – сказала она. – Распорядись пригласить сюда Бондаря. Надеюсь, мы не зря уделили так много времени рассмотрению его кандидатуры. И ты тоже надейся, Юрасик. – Улыбка Морталюк сделалась зловещей и многообещающей. – Кому-кому, а тебе отлично известно, как я отношусь к людям, которые пытаются морочить мне голову. Между прочим, пинок под зад – не самый плохой финал служебной карьеры. Согласен со мной?

– Да. – С одной стороны, Щусевич подозревал, что столь лаконичный ответ может не понравиться хозяйке. С другой стороны, его голосовые связки были способны издавать лишь односложные звуки. Откашлявшись, он повторил громче: – Да.

– Вот и отлично, – милостиво кивнула Морталюк. – Будем надеяться вместе. Мы ведь всегда были единомышленниками, верно?

– Да.

– Не слышу уверенности в твоём тоне.

– Да, Маргарита... – Щусевич провел платком по взмокшему лбу и добавил: – Маргарита Марковна.

– А вот китайских церемоний не надо, – строго произнесла Морталюк. – Мы с тобой по-прежнему на «ты», поскольку остаемся партнерами и единомышленниками...

«Пока», – мысленно завершил фразу Щусевич.

Чего ему больше всего хотелось в данный момент, так это очутиться где-нибудь далеко-далеко – может, даже на другой планете или в ином измерении. Но поскольку чудес на свете не бывает, то оставалось уповать на то, что капитан Бондарь не обманет ожиданий хозяйки. И, когда он вошел в конференц-зал, Щусевич впился в него изучающим взглядом.

Глава 3

За два с половиной часа до знакомства с копией Мэрилин Монро Бондарь привычно любовался совсем другой женщиной, являвшейся полной противоположностью надменной белокурой красавицы. Ирина Потапова была не просто брюнеткой, она была *классической брюнеткой*, при взгляде на которую мужчины невольно задавались вопросом: а так ли уж хороши все эти белокурые бестии с васильковыми глазами?

Быстроглазая, стройная, черноволосая, полная грациозного достоинства и тщательно скрываемой чувственности, Ирина принадлежала к тому типу женщин, которые не вызывают пресыщения. Бондарю ее всегда чуточку не хватало – и в разлуке, и при самой тесной близости, какая только возможна между мужчиной и женщиной. Она была вулканом, то дремлющим, то внезапно просыпающимся, и всякий раз, когда кипящая лава страстей выплескивалась наружу, это вызывало потрясение, поскольку в остальное время поведение Ирины отличалось горделивой сдержанностью.

Прежде Бондарю никогда не приходилось иметь дело с женщиной, которая бы отворачивалась от него первой. Ирина же спешила уткнуться лицом в подушку, стыдясь бурного проявления эмоций, во время которого она совершенно не контролировала себя. Стоило положить ладонь на ее разгоряченное тело, как она просила оставить ее в покое, причитая: «Не надо, ты же видишь, я умираю, каждый раз умираю, теряю голову и схожу с ума». Если Бондарь не убирал руку, то минуто спустя Ирина вновь забывала обо всем и была готова начать все сначала. Чаще всего именно так и происходило. Что не мешало обоим просыпаться полными сил, словно их близость являлась чем-то вроде подключения к неиссякаемому источнику энергии. По утрам Ирина была свежей и приветливой, отчего при любой погоде казалось, будто квартира озарена солнцем. Она ни разу не задала тех дурацких вопросов, которыми женщины постоянно терзают своих мужей и любовников: *Ты меня любишь? Тебе со мной хорошо? Ты меня никогда не бросишь?* Бесконечными признаниями в собственной любви и преданности Ирина тоже не докучала, предпочитая не говорить, а действовать. Квартира Бондаря и прежде содержалась в идеальном порядке, но с появлением новой хозяйки все тут буквально засияло и засверкало чистотой. Не той стерильной чистотой, которую можно увидеть в операционных или музеях, а домашней, пронизанной теплом и светом. Насыщенной аппетитными запахами, струящимися из кухни.

Несмотря на вполне современную обстановку, здесь царила вполне патриархальная атмосфера. Поглядывая на Ирину, Бондарь спрашивал себя, как долго продлится эта идиллия, и надеялся, что больше никогда не останется один. Тем не менее по выражению его лица никто не заподозрил бы, что этот человек способен предаваться сентиментальным размышлениям. Бондарь был гладко выбрит, тщательно причесан, собран, холоден и подчеркнуто невозмутим. Намечался непростой разговор, в ходе которого Ирина могла интуитивно почувствовать слабость Бондаря. Женщина никогда не упустит случая воспользоваться своим преимуществом. Следовательно, она не должна даже догадываться о колебаниях в душе мужчины.

– Скоро? – спросил Бондарь, бросая красноречивый взгляд на часы. – Поздние завтраки – привилегия аристократии и богемы. Лично я предпочитаю садиться за стол не позже восьми. – Коротко усмехнувшись, он уточнил: – Утра, конечно.

– Хорошо, что напомнил. – Иринина улыбка была такой же мимолетной. – Иначе завтракать пришлось бы в ужин.

Не делая ни одного лишнего движения, она принялась выставлять на стол сковороду, тарелки и чашки. Лязганье раскладываемых на скатерти вилок было непривычно резким, словно некие фехтовальщики несколько раз скрестили шпаги, пробуя силы перед поединком. Похоже, Ирина уловила напряжение, незримо витавшее в воздухе. Неотвратимость предсто-

ящего выяснения отношений угнетала Бондаря, но отказываться от задуманного он не соби-
рался.

Семейный очаг нужен для того, чтобы было куда возвращаться из странствий и походов.
Торчать подле него до скончания века скучно и обидно. Даже на пару с любимой.

– Гренки с сыром, гм... – Бондарь с сомнением нахмурился. – Вообще-то я предпочел
бы бифштекс под беарнским соусом.

– Я тоже, – ханжески вздохнула Ирина. – Но к бифштексу под беарнским соусом принято
подавать розовое «Клико», а у нас есть только «Боллинджер». Даже не знаю, как быть.

Это было произнесено таким светским тоном, что губы Бондаря непроизвольно расплы-
лись в улыбке.

– Никуда не годится, – заявил он, хрустя поджаренным хлебом. – Неужели так трудно
позаботиться о том, чтобы в доме никогда не переводилось старое доброе «Клико»?

– Вечно ты зубоскалишь, – сказала Ирина. – А вот ласковых слов от тебя не дождешься.
Неужели ты не знаешь ни одного?

– Почему же.

– Тогда скажи, скажи.

– Ну... Ты мне подходишь, – выдавил из себя Бондарь. – Годится?

– И это все, на что ты способен?

– Ты, гм... хорошая.

– С ума сойти, какое красноречие! – воскликнула Ирина.

Тон был язвительным, однако услышанное явно пришлось ей по вкусу. Чтобы понять
это, достаточно было заглянуть Ирине в глаза, но Бондарь упорно смотрел в сторону. Он умел
много, но проявлять искренние чувства ему было трудно. Другое дело – играть разнообразные
роли. Чему-чему, а этому его в ФСБ обучили на славу, хоть на сцене выступай. Правда, Ирина
была не тем человеком, перед которым Бондарю нужно было разыгрывать спектакли.

– Чем богаты, тем и рады, – буркнул он, уткнувшись в чашку.

– А вот другие мужчины не упускают случая сказать даме что-нибудь приятное, – под-
дразнила его Ирина. – Всякий раз, когда я появляюсь в редакции, они делают стойку и засы-
пают меня массой предложений.

– Лучше бы деньгами засыпали, – обронил Бондарь.

– За этим дело не станет. У меня заказ на цикл статей в «Х-map». Это журнал такой,
гламурный до невозможности.

– Дурацкое название.

– Зато авторам платят по высшему разряду, – возразила Ирина, разливая остатки молока
по чашкам. – Мне предложили рекламировать оружие, напитки, часы, зажигалки, костюмы,
галстуки и одеколоны. Вся та ерунда, которая предназначена для настоящих мужчин.

– Откуда тебе знать, что нужно настоящим мужчинам? – удивился Бондарь.

– О, я теперь настоящий эксперт в этих вопросах, – похвасталась Ирина.

– Забавно. Никогда не думал, что женюсь на эксперте.

– Что ты сказал? – Иринин вопрос прозвучал почти одновременно со звоном разбитой
чашки. – Женишься?

– Разумеется. Немного старомодно, но так уж я устроен.

– Это предложение?

– Ультиматум, – отрезал Бондарь. – Возражения не принимаются.

Все, на что оказалась способна Ирина, так это склониться над осколками чашки.

После столь своеобразного предложения руки и сердца в кухне надолго воцарилась
тишина, нарушаемая лишь звяканьем посуды. Разлив кофе по чашкам, Ирина набрала чай-
ную ложку сахара, добавила туда четырнадцать капель подогретого коньяка и подожгла. По
кухне поплыл душистый карамельный аромат. Сидящий за столом Бондарь принялся маши-

нально разминать сигарету, предвкушая момент, когда за обжигающим глотком последует первая утренняя затяжка.

– Ты сегодня опять дома? – спросила Ирина, тщательно размешивая жженный сахар в одной из чашек.

– Нет, – ответил Бондарь. – С этим покончено. Сколько можно торчать в четырех стенах?

– Все-таки решил вернуться на службу?

– По-твоему, я больше ни на что не гожусь?

– Наоборот, – произнесла Ирина, поджигая вторую порцию сахара. – Мне нравится, что ты работаешь в ФСБ.

– *Работал*, – буркнул Бондарь. Он не ожидал, что скользкая тема будет затронута раньше, чем ему позволят насладиться кофеином и никотином.

– Куда же ты собираешься? – тихо спросила Ирина. – Или это государственная тайна?

– У меня больше нет допуска к государственным тайнам. Меня выперли с Лубянки, пора бы к этому привыкнуть. Отныне я сугубо штатский и предельно законопослушный гражданин, чем очень даже доволен. Сколько можно мотаться по свету, совершая подвиги, за которые даже зарплату не всегда выдают вовремя? Задолбало уже, хватит.

По завершении тирады Бондарь вставил сигарету в рот и так свирепо стиснул фильтр зубами, словно намеревался перекусить его пополам.

– Не могу представить тебя в роли домоседа, – сказала Ирина, высыпая в чашки с кофе шоколадные крошки.

– Кто сказал, что я собираюсь сидеть дома? – нахмурился Бондарь. – И вовсе даже нет. Сразу после завтрака я отправляюсь устраиваться на работу.

– Что за работа?

– Буду охранником при одной важной особе.

– Ты прошел предварительный отбор? – удивилась Ирина. – Почему же мне об этом ничего не известно?

– Отбор я пока не прошел, – признался Бондарь. – Сегодня собеседование, или, как это модно называть, интервью. – Он отхлебнул кофе, закурил, глубоко затянулся и добавил: – Я обязан оказаться на высоте.

– Обязан?

Ирина внимательно посмотрела на Бондаря.

– Должен, – поправился он.

– Это так важно для тебя?

Вместо того, чтобы ответить, Бондарь втянул в себя кофейный аромат, сделал глоток и снова затянулся дымом, проявляя полнейшее равнодушие к теме. Имея за плечами огромный опыт оперативника службы безопасности, он умел скрывать чувства, однако такую женщину, как Ирина, провести было трудно.

– Женя, не надо со мной хитрить, – попросила она. – Скажи честно, я это заслужила?

– Нет, – качнул головой Бондарь. Сигарета закончилась слишком быстро. Не зная, чем занять руки, он обхватил ими пустую чашку. На дне темнела кофейная гуща, напоминающая по форме волчью морду.

– Тогда, – предложила Ирина, – договаривай. Я ведь с раннего утра чувствую, как ты маешься.

– Я не маюсь!

– Еще как маешься. Хочешь мне что-то сказать, но не знаешь, с чего начать. Что-то случилось?

– А что могло случиться? – пожал плечами Бондарь. – Все нормально. Просто мне дали понять, что моя новая работа будет связана с длительными командировками. Не думаю, что это продлится долго, но...

– Так.

Ирина медленно встала, опираясь руками об стол. Это был непроизвольный жест человека, теряющего почву под ногами. Казалось, она вот-вот лишится чувств, так резко отхлынула кровь от ее лица. Тем не менее голос ее звучал ровно.

– Ты противоречишь себе, Женя, – сказала она. – Как это *длительные* командировки могут продлиться *недолго*?

– Не придирайся к словам, – попросил Бондарь, вертя чашку так и эдак. Волчья морда на дне упорно не желала превращаться во что-нибудь другое.

– Когда ты уезжаешь? – спросила Ирина.

– Точно не знаю, но думаю, что скоро, – ответил Бондарь, прикуривая новую сигарету. – Может быть, прямо сегодня, может, завтра или послезавтра.

– Намек поняла.

– Ничего ты не поняла. Это не моя прихоть. Должен же я как-то зарабатывать на жизнь, верно?

– *Как-то*, – повторила Ирина, пробуя на вкус словечко. По-видимому, оно ей не понравилось. – Прежде я не замечала за тобой тяги охранять всяких важных персон.

– Ты меня плохо знаешь, – заверил ее Бондарь.

– Ошибаешься. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы отличить правду от вранья. – Ирина качнулась с пятки на носок. – Тут одно из двух. Либо ты по-прежнему служишь на Лубянке, но зачем-то скрываешь это от меня, либо...

– Либо?

– Либо ищешь повод со мной расстаться.

Лед отчуждения становился все прочнее, все толще. Бондарю казалось, что он общается с Ириной сквозь прозрачную холодную перегородку. Слова доносятся, но смысл искажается до неузнаваемости.

– Ты так думаешь? – спросил он.

– Я в этом уверена, – отчеканила Ирина.

– Что я должен сделать, чтобы тебя переубедить? Заняться вязанием на дому? Освоить арфу и зарабатывать платными уроками?

– Поступай как знаешь.

– Постой, – сказал Бондарь обратившейся к нему спине.

Не произнеся ни слова, Ирина удалилась в комнату. Бондарь пошел за ней, проклиная себя и свою профессию. Ему хотелось сказать что-нибудь ласковое, но он не имел на это права. Выяснять отношения лучше сразу и до конца. Это как удалять пулю. Чем дольше тянешь, тем больше получается.

– Мы не договорили, – сухо произнес он, остановившись позади Ирины, уткнувшейся в окно. – Я не сказал главного.

Она не шелохнулась. Бросила тусклым голосом:

– Слушаю.

– Пока я буду находиться в отъезде, тебе лучше перебраться к родственникам, – хрипло начал Бондарь. – Насколько мне известно, у тебя в Москве хватает дядюшек и тетюшек.

Ирина медленно повернулась.

– Ты меня этим просто убиваешь, Жень. По-настоящему.

– Пойми, люди, к которым я нанимаюсь, чрезвычайно опасны. Все может случиться. – Бондарь взял Ирину за плечи и слегка встряхнул ее, чтобы она не стояла перед ним, как мраморная статуя с белым неподвижным лицом. – Это вынужденная мера. Временная. Находиться рядом с очень богатыми людьми – все равно что переплывать реку с пираньями. Никогда не знаешь, чем это закончится. В таких случаях лучше подстраховаться. Одно дело рисковать

собственной головой, а другое – подставлять любимых. Я не могу допустить, чтобы ты пострадала из-за меня.

– Это единственная причина, по которой я должна переселиться к родственникам? – спросила Ирина. Ее обычно бархатистый, влажный взгляд был тверд и сух.

– Да, – коротко кивнул Бондарь.

– В таком случае я остаюсь.

Стало ясно, что переубедить Ирину не удастся. Оставался последний, жестокий вариант: указать ей на дверь и тем самым уберечь ее от опасностей, которые, по глубокому убеждению Бондаря, были не за горами. Он попытался сделать то, что должен был сделать, но не сумел. Все его существо противилось этому. Такие, как Ирина, не прощают оскорблений. Уйдя сегодня, она уже никогда больше не вернется. А Бондарь не представлял себе жизни без нее. Он слишком привык к ней. Размяк, как пластилин на солнце.

– Черт с тобой, – буркнул Евгений, сопровождая свои слова раздраженным взмахом руки. – Оставайся. Но не надейся, что я откажусь от работы и буду сидеть подле твоей юбки.

– Я не надеюсь, – тихо произнесла Ирина. – Но все-таки не бросай меня одну надолго, ладно? Иначе я умру.

– Прикуси язык, – бросил Бондарь, направляясь в спальню.

Ирина была слишком измучена этим разговором, чтобы последовать его совету. Она доплелась до дивана и упала на него, чувствуя себя совершенно разбитой.

Глава 4

Некоторое время спустя Маргарита Марковна Морталюк откинулась на спинку кресла и прищурилась, разглядывая вошедшего. Он оказался выше, чем она ожидала. Причиной тому была подчеркнута прямая осанка и свободно развернутые плечи Бондаря. Остановившись на пороге, он смотрел куда-то поверх голов сидящих за столом конференц-зала. Его руки свободно свисали вниз, свидетельствуя о том, что их обладатель не испытывает ни волнения, ни чувства неловкости. Он не переминался с ноги на ногу, не покашливал и не делал лишних движений. Молча стоял и ждал. Достаточно было присмотреться к его лицу, чтобы понять: этот человек не привык суетиться или заискивать.

– Подойдите, пожалуйста, ближе, – доброжелательно сказала Морталюк, сопровождая приглашение манящим движением пальца. – Сколько вам лет?

– Двадцать семь, – ответил Бондарь, делая два шага вперед.

В его серо-голубых глазах не промелькнуло ни тени смущения, когда Щусевич поспешил уличить его во лжи:

– Неправда! Вам уже за тридцать, Евгений Николаевич!

– Зачем спрашиваете, если знаете? – Бондарь пожал плечами.

– Откуда вам известно, что мы знаем, а что нет? – запальчиво спросил Щусевич. Внешне он напоминал жуткого монстра, а вел себя как мальчишка.

Бондарь удостоил его долгим задумчивым взглядом, после чего неохотно разжал губы:

– У вас ведь не какая-нибудь шарашкина контора, а солидная фирма. Без тщательной проверки вы даже шофера на работу не принимаете, не то что сотрудников секьюрити.

– Наводили справки? – полюбопытствовала Морталюк.

– Так же, как и вы, – невозмутимо ответил Бондарь.

– По своим фээсбэшным каналам?

– По своим бывшим фээсбэшным каналам.

– И много удалось накопать?

– Достаточно, чтобы убедиться, что вы мне подходите.

– Ого! – вскричал ерзающий в кресле Щусевич. – Мы ему подходим, ты слышала, Марго? А он нам?

– Полагаю, что да, – сказал Бондарь. – Вам нужен хороший специалист с соответствующими навыками и опытом.

– А вам? – осведомилась Морталюк. – Что вам нужно, Евгений Николаевич?

– Хороший и стабильный заработок, Маргарита Марковна. Даже очень хороший. – Бондарь позволил себе полуулыбку, однако его подбородок, помеченный горизонтальным шрамом, оставался надменно приподнятым, а глаза не излучали ничего, кроме арктического холода. – Дело в том, что я не собираюсь работать на кого-либо до старости. Год, от силы два.

– Вы не любите работать? – изобразила удивление Морталюк.

– Не больше, чем любой из присутствующих, – уклончиво ответил Бондарь.

– Вы держитесь слишком самоуверенно. Не бойтесь, что наше собеседование закончится прямо сейчас?

– Нет, – просто ответил Бондарь. – У меня много других вариантов.

– У нас тоже, – вставил Щусевич.

– Вы даже представить себе не можете, сколько отставных офицеров претендуют на тепленькое местечко, – поддержала помощника Морталюк. – Из разведки, из спецподразделений, из вашей конторы... Государство не ценит вас по достоинству. Оно бросило вас на произвол судьбы.

– Государству виднее, – пожал плечами Бондарь.

– С вашим послужным списком, – продолжала Морталюк, – вы могли бы сделать блестящую карьеру...

– Я не карьерист, – сказал Бондарь. – Прежде у меня имелись кое-какие идеалы и принципы, но к настоящему моменту они отброшены за ненадобностью. Можете считать меня циником, мне это безразлично. Я хочу обеспеченной жизни, вот и все.

– Отрадно слышать, – улыбнулась Морталюк. – Но я тоже в высшей степени практична, поэтому плачу деньги только за то, что того стоит. Что вы умеете, Евгений Николаевич?

– Все, что должен уметь сотрудник контрразведки ФСБ, – ответил Бондарь. – Поверьте на слово, Маргарита Марковна, этого более чем достаточно.

– Я никогда не верю на слово. Никогда и никому.

– Разумно.

– Конечно, – чопорно произнесла Морталюк. – Если вы наводили обо мне справки, то должны знать, что я всегда поступаю разумно. – Она задумчиво посмотрела на хрустальный мундштук, который вертела в пальцах. – Поэтому мы поступим следующим образом. Сейчас я позову сюда своих секьюрити и велю им выдворить вас отсюда. – Взгляд Морталюк преисполнился издевки. – Очутившись за порогом, вы больше никогда его не переступите, Евгений Николаевич. Таким образом, дальнейшее зависит от вас. Проявите себя с лучшей стороны.

– А мы поглядим, какой вы специалист, – подал реплику Щусевич. – Гонор и профессионализм – совершенно разные понятия.

– Это вы верно подметили. – Голос Бондаря звучал подчеркнуто ровно. – Терпеть не могу зазнаек.

Судя по всему, он был готов добавить к сказанному еще пару слов, но тут Морталюк, которой надоело ждать, нажала кнопку вызова на своем телефоне. Дверь распахнулась. Разговоры кончились.

Шахов и Добрынин проработали в охране Морталюк достаточно долго, чтобы относиться к своим обязанностям с полной ответственностью. Оба поддерживали отличную физическую форму, постоянно практиковались в стрельбе и рукопашном бое, почти не употребляли спиртного и приучились держать язык за зубами, а зубы – крепко сжатыми.

Шахов был года на четыре старше напарника и несколько грузноват, но ни помолодеть, ни сбросить лишний вес у него не получалось. Порой он задумывался о том, чем станет заниматься, когда окончательно постареет и обрюзгнет, но никаких блестящих перспектив перед ним не открывалось. Из-за этого Шахов был человеком раздражительным и желчным, но случались моменты, когда он разительно преображался. Перехватив многозначительный хозяйский взгляд, устремленный на Бондаря, он моментально повеселел. Не так давно ему случилось вывихнуть плечевой сустав одному назойливому репортеру, и воспоминания о том, как визжал тот болван, были Шахову все равно что бальзам на душу.

– Выведите его отсюда, да не церемоньтесь, – распорядилась Морталюк, указав мундштуком на Бондаря. – Станет сопротивляться, калечьте.

«Йес, мэм», – ответил мысленно Добрынин, вынимая из уха проводок телесного цвета.

– Сделаем, – солидно произнес он вслух.

Его тайной страстью были боевики, причем любые – иностранные и наши, хотя, конечно, голливудская продукция нравилась Добрынину больше. Он был готов смотреть кино сутками напролет, методично перемалывая челюстями орешки, чипсы или ржаные сухарики. Невольно подражая своим героям, Добрынин приучился отвечать на вопросы коротко и односложно, а сам вопросов никому не задавал, поскольку ничего его, по большому счету, не интересовало. Добрынинская душа обладала отзывчивостью мороженого хека, и взгляд его глаз был соответствующим. Если бы Бондарю захотелось посмотреть в эти глаза, он не прочел бы там ничего, кроме бесстрастной готовности выполнять любые хозяйские приказы.

Но Евгению было начхать на Добрынина, как и на Шахова. Вместо того чтобы визуально оценить противников, он продолжал стоять к ним спиной. А поза его сделалась не просто ослабленной, а совсем уж нелепой. Опершись обеими руками на никелированные спинки двух стульев, Бондарь подался вперед, чтобы укоризненно сказать Морталюк:

– Поступая таким образом, вы нарушаете Трудовой кодекс, Маргарита Марковна. Странное у нас получается собеседование.

Шахов и Добрынин одновременно шагнули вперед. Они не суежились, не спешили. Им представилась отличная возможность проявить свою преданность и исполнительность, поэтому обоим хотелось выполнить приказ как можно эффективнее. Шахов примеривался к пояснице наклонившегося Бондаря, решив для начала отбить ему почки. Добрынин представлял себе, как проделает удушающий захват с разворотом головы противника на девяносто градусов. Подмывало его также пнуть коленом обращенный к нему зад, однако это смахивало бы на мальчишество.

Морталюк, уловившая в голосе Бондаря нотки зарождающейся паники, ослепительно улыбнулась, как сделала бы это Мэрилин Монро, доживи она до убийства Джона Кеннеди. Их разделяла подкова стола, так что дотянуться до нее Бондарь никак не мог. Сзади к нему приближались охранники, каждый из которых представлял собой ходячую гору мускулистого мяса, снабженного некоторым количеством мозгового вещества. Морталюк уже предвкушала, как они собьют спесь с него, позволившего себе беседовать с ней в почти хамском тоне. Она ценила мужскую красоту, однако в первую очередь отдавала должное мужской силе. Перед ее мысленным взором промелькнули забавные картинки:

... вот капитана хватают за шкурку и волокут к двери, а он, моментально растерявший все свое самомнение, тщетно пытается вырваться из крепких рук охранников, умоляя Морталюк отменить приказ...

... а вот его, растрепанного и жалкого, с рубахой, выпроставшейся из брюк, выталкивают прочь, подгоняя тумаками и затрещинами... уцепившись за дверь, он хочет сказать что-то напоследок, но вылетает из зала, как пробка от шампанского...

Ничего подобного не произошло. Морталюк, вставлявшая сигарету в мундштук, замерла, некрасиво открыв рот. Злорадно похохотывавший Щусевич издал нечленораздельный звук, словно на его шее затянули невидимую удавку.

Силуэт Бондаря сделался размытым и прозрачным, так стремительно он крутанулся на месте. Разворачиваясь лицом к охранникам, Евгений подхватил стулья, за спинки которых держался. Выпущенные из рук, они взмыли в воздух, одновременно достигнув каждый своей цели.

Добрынин, проявивший завидную прыть, умудрился отреагировать на внезапную атаку. Его правая рука не только скользнула под пиджак, но и коснулась рифленой рукоятки пистолета. А вот порадоваться собственной ловкости Добрынин не успел. Сбитый стулом с ног, он, подобно девяностокилограммовой кегле, опрокинулся на пол, после чего в сознании приключился временный сбой. Его менее подвижный напарник, не мудрствуя лукаво, выставил перед собой руки и поймал стул за ножки, слегка ушибив при этом пальцы. Избавиться от мешающего предмета Шахову было не суждено.

Чтобы преодолеть четыре метра, отделяющие его от охранника, Бондарю понадобилось два прыжка, а чтобы завершить начатое – всего один расчетливый удар. Не тратя время на сжимание кулака, он поддел шаховский подбородок основанием ладони.

Клац! От зубодробительного удара у Шахова мозги встали набекрень. Ему показалось, что голова слетела с плеч долой и покатила по залу, окруженная россыпями искр. Разумеется, никаких искр не было. То грюканье, которое доносилось до Шахова, производила не его голова, а выроненный стул. Сам Шахов сидел на полу, бессмысленно уставившись в темноту, сгустившуюся перед глазами.

– Продолжать? – прозвучало в его ушах.

Он понятия не имел, кто задал этот вопрос, точно так же как не сообразил, кому принадлежит голос, произнесший:

– Не стоит, Евгений Николаевич. Будем считать, что первый отборочный тур вы выдержали. Приступим ко второму?

Ответа Шахов не услышал. Но, прежде чем отключиться окончательно, тоскливо подумал: «Только бы они без меня провели его, этот чертов второй тур».

В данном случае ему повезло.

Когда горе-охранников увели, а стулья были водворены на место, Бондарь без приглашения опустился на один из них и вопросительно посмотрел на госпожу Морталюк:

– Что дальше? По правде говоря, подобные аттракционы меня не вдохновляют. – Бондарь поморщился. – Служба охраны у вас никудышняя, Маргарита Марковна. Вашим секьюрити вагоны бы разгружать или в носильщики на вокзал податься. Там им самое место.

– Я обдумываю ваше предложение, – усмехнулась Морталюк, и что-то в ее взгляде подсказало Бондарю: карьера парней в качестве охранников завершена.

Ему их жалко не было. Он и в самом деле полагал, что здоровым молодым людям негоже выполнять роль денщиков при капризных бизнес-леди. Может быть, благодаря сегодняшнему конфузу они подыщут себе более достойное занятие?

«А вот мне придется побыть у Морталюк на побегушках, – мрачно подумал Бондарь. – Никуда от этого не деться. Характер я уже показал, но перегибать палку нельзя. Как бы эта сука ни уважала чужую силу, а чересчур независимых людей она рядом с собой не потерпит».

Прежде чем заговорить, Бондарь улыбнулся той слегка смущенной улыбкой, которая неоднократно отрабатывалась им перед зеркалом наряду с другими выражениями лица, пригодными для любых случаев в жизни. Все это были лишь маски, надеваемые в зависимости от ситуации. У хорошего контрразведчика их превеликое множество. Дерзкий Бондарь, самоуверенный Бондарь, а теперь вот – виноватый Бондарь.

– Не хочу кривить перед вами душой, – сказал он. – Можно начистоту?

– *Нужно* начистоту, – поправил его Щусевич, вравший столь легко и охотно, что порой затруднялся отличить вымышленные факты своей биографии от тех, которые действительно имели место.

– Я изо всех сил старался не ударить лицом в грязь, – продолжал Бондарь, – но, кажется, переусердствовал. – Он посмотрел в глаза Морталюк, после чего уставился в пол. – Просто мне никогда не доводилось зависеть от женщины... пусть даже красивой женщины. – Его голос звучал все глуше и глуше. – Это задевает мое мужское самолюбие. Мне трудно вести себя адекватно.

– Придется научиться, если хотите у нас работать, – заявил Щусевич, промокая платком уголки глаз.

– Помолчи, Юрасик, – одернула его Морталюк. Ее испытывающий взгляд, устремленный на Бондаря, потеплел. – Самолюбие – вещь хорошая, без него в наше время никуда. Однако контролировать его надо. Разве вас не обучали этому в Академии ФСБ?

– Обычно у меня получается сдерживать эмоции. – Бондарь сменил виноватую интонацию на доверительную. – Сам не понимаю, что вдруг на меня накатило... Можно вопрос?..

– Только один. – Морталюк посмотрела на часы.

– Меня преследует ощущение, что я вас раньше где-то видел. Глупо, конечно, но... Вы никогда не снимались в кино, Маргарита Марковна?

– Нет.

– Вы похожи на какую-то знаменитую актрису.

– Неужели?

– Вспомнил! – Бондарь хлопнул себя по лбу, отчего вид у него сделался совершенно простецким. – Эти кадры часто крутят по телевизору. Вы стоите над вентиляционной решеткой, снизу дует, вы придерживаете платье обеими руками и так улыбаетесь... Правда, в жизни вы гораздо красивее, чем в кино.

– Лстец, – улыбнулась Морталюк, отчего ее сходство с Мэрилин Монро только усилилось. Только это была ненастоящая Монро. Такая же фальшивая, как та, которую изобразил на своем знаменитом полотне Энди Уорхолл. – Спасибо за комплимент, но я в них не нуждаюсь. – Губы Морталюк по-прежнему улыбались, хотя глаза ее превратились в две льдинки. – Чем вешать мне лапшу на уши, лучше попробуйте отгадать, почему в деловых кругах меня прозвали Леди М?

Бондарь задумчиво поскреб подбородок:

– Понятия не имею.

– А вы напрягите воображение, Евгений Николаевич.

– Ну... Ваша фамилия начинается с буквы «М». Мэрилин Монро тоже называли по инициалам: М.М.

– У меня специфическая фамилия, – важно произнесла Морталюк, прикуривая от поднесенной помощником зажигалки. – Конкуренты это давно заметили.

– Можно? – Бондарь достал пачку «Монте-Карло» и приподнял брови, ожидая ответа.

– Нельзя.

– В присутствии Маргариты Марковны не курят, – строго произнес Щусевич.

– Здоровее буду. – Бондарь спрятал сигареты в карман пиджака. – Так что насчет вашей фамилии? – Он снова взглянул на Морталюк. – В чем ее особенность?

Выпустив дым через нос, она пояснила:

– «Mortale» в переводе с латыни означает «смертельный».

– Сальто-мортале, – закивал Бондарь. – Я должен был сообразить с самого начала.

– Ничего страшного, – успокоила его Морталюк. – Теперь вы знаете, почему меня называют Леди М, а значит, недоразумений быть не должно. – Она выпустила вверх аккуратное дымное кольцо, трансформировавшееся в сердечко. – Вы очень своевременно упомянули сальто-мортале, поскольку покувыркаться вам придется на славу. – Морталюк повернулась к Щусевичу. – Пригласи-ка, дружок, Чена. Тут прозвучала резкая критика в адрес нашей службы безопасности, я просто обязана отреагировать. – Она одарила Бондаря многообещающей улыбкой. – Рядовые охранники проявили себя не лучшим образом и будут примерно наказаны, но... – В воздухе растворилось еще одно голубоватое кольцо. – Но Евгений Николаевич рано вато торжествует победу.

– Я не торжествую, – возразил Бондарь.

– И правильно делаете, – произнесла Морталюк. Одобрение и угроза смешались в этой фразе в равных пропорциях.

Глава 5

Чен оказался изящным стройным молодым человеком азиатской наружности. Сочетание делового костюма и длинных черных волос выглядело немного комично, но лишь до тех пор, пока Бондарь не разглядел выражение узких глаз, обрамленных припухшими веками без ресниц. Там таились непостижимые европейскому разуму фанатизм и отрешенность. При этом глаза были столь пустыми, тусклыми и неподвижными, как будто Чен позаимствовал их в морге.

Поприветствовав госпожу церемонным полупоклоном, он бесшумно приблизился к столу и остановился в полуметре от сидящего Бондаря. От Чена не исходило ни гнева, ни недоброжелательности, но во всем его облике угадывалось нечто злое, безжалостное, не поддающееся обычной логике. Бондарь почувствовал себя так, словно очутился в опасной близости от кобры, кровь которой холодна, а действия непредсказуемы. Костюм смотрелся на Чене как змеиная кожа, а прямые волосы до плеч заставляли вспомнить старые вестерны про индейцев, любивших наряжаться в одежду убитых врагов. Для полного сходства не хватало лишь котелка или перчаток.

– Чен – чистокровный кореец, – пояснила Морталюк, откровенно наслаждаясь ситуацией. – Мое ходячее тайное оружие. Вокзальный носильщик из него вряд ли получится, но боец он отменный. – Она повернулась к Щусевичу. – Возможно, я рассуждаю как дилетант и Евгений Николаевич снова скажет, что мои охранники никуда не годятся?

– Если не лишится дара речи, – угодливо хохотнул лакей Леди М.

Бондарь с трудом подавил желание перемахнуть через стол и заставить Щусевича заткнуться, разукрасив ему физиономию так, чтобы нынешний облик уroda запомнился всем как вполне симпатичный.

Кровь стучала в висках Бондаря. Это было поражение. Появление Чена путало ему все карты. Не имело значения, к какой школе восточных единоборств он принадлежит. В любом случае кореец был опытейшим бойцом: это было видно по его манере держаться, по ороговевшим костяшкам пальцев, по бесстрастному взгляду, успевшему оценить вероятного противника. Сколько секунд продержится Бондарь, если прозвучит команда «фас»? Пять? Десять? Пятнадцать?

– У вас есть возможность признать свое поражение прямо сейчас, – донесся до Бондаря насмешливый голос Морталюк. – Стоит ли доводить дело до крайности?

Он сфокусировал взгляд на ее лице, стремясь проникнуть в тайные мысли женщины, гордящейся своей «убийственной» репутацией в деловых кругах. Прежде чем отправиться на собеседование, Бондарь тщательнейшим образом изучил ее досье и не нашел почти никаких сведений о личной жизни Маргариты Марковны. Создавалось такое впечатление, что ее главное увлечение – бизнес, бизнес и еще раз бизнес. Она не была завсегдатаем великосветских раутов и модных тусовок, не каталась на яхте с загорелыми мускулистыми юношами, не заводила романов со знаменитостями. С другой стороны, верной женой, любящей матерью или хотя бы хранительницей семейного очага Морталюк тоже не была: ее муж и двенадцатилетняя дочь находились в своеобразной ссылке в Англии, откуда практически никуда не выезжали, в то время как сама она постоянно перемещалась по свету, не проявляя привязанности ни к одному из своих многочисленных особняков.

Кто же она такая, эта женщина с внешностью американской кинозвезды пятидесятых? Напористая бизнесвумен без страха и упрека? Бесчувственная железная леди с калькулятором вместо сердца? В какой-то мере да. И все же шестое чувство подсказывало Бондарю, что он видит перед собой отнюдь не фанатичку, все интересы которой сосредоточены на накоплении первичного, вторичного и третичного капиталов. Более того, в глубине глаз Морталюк про-

глядывала тщательно скрываемая сексуальная озабоченность. Это не было всепоглощающей страстью неутомимой нимфоманки или зудом похотливой шлюхи. А хищное желание обладать каждым мужчиной, которого она захочет. Стремление доминировать. Самоутверждаться за счет побед над представителями сильного пола.

Натравливая Чена на кандидата в телохранители, Морталюк не столько интересовалась бойцовскими навыками Бондаря, сколько оценивала его как мужчину. Ей было безразлично, победит он в честном бою или одолеет корейца хитростью. Она вела себя как самка, выбирающая самца. Победитель получает все, проигравший гроша ломаного не стоит.

Придя к такому заключению, Бондарь воспрянул духом. Естественный отбор? Что ж, ладно. Он не позволит втянуть себя в затяжную схватку, исход которой предрешен заранее. Он станет действовать в лучших традициях азиатов: усыпит бдительность противника, после чего нанесет решающий удар. Один-единственный, поскольку второй попытки не будет. Или пан, или пропал.

Пропадать Бондарь не собирался.

– Как настроение, Евгений Николаевич? – осведомилась Морталюк, поднявшись с кресла, чтобы не упустить подробностей предстоящего турнира.

– Как у гладиатора на арене, – признался Бондарь. – Но я не гладиатор. И тем более не шут гороховый. – С этими словами он тоже встал, не глядя на застывшего рядом корейца. – Я думаю, хватит. С меня довольно. Счастливо оставаться, Маргарита Марковна.

– Дверь, Чен! – пронзительно крикнула Морталюк.

Кореец молниеносно сместился назад, преграждая Бондарю дорогу. Он не проявлял агрессии, но разве тарантул тратит время на угрожающие движения? Взгляд Чена оставался безжизненным, только тонкие губы шевельнулись на неподвижном лице:

– Хозяйка не разрешала уходить.

– Кому хозяйка?

Вопрос Бондаря был резонным, но кореец даже не подумал на него отвечать. Он стоял спиной к двери, давая понять, что выйти из помещения можно только через его труп. Бондарь с удовольствием сделал бы это, но Чен, увы, добровольно прощаться с жизнью не собирался.

Морталюк вышла из-за стола и остановилась в четырех метрах от скрестивших взгляды мужчин.

– Покажи нашему гостю свои руки, Чен, – велела она.

Кореец бесстрастно повиновался. Ребрами его ладоней можно было колоть дрова или забивать гвозди.

Бондарь хмыкнул:

– Наверное, не очень удобно ласкать девушек, м-м? – Он повернулся к Морталюк. – Парень нуждается в патентованном средстве от выведения мозолей.

Никто из присутствующих не шелохнулся, однако обстановка в комнате резко изменилась. Она стала наэлектризованной, как перед бурей. Волны ярости, исходившие от Чена, были такими сильными, что Бондарь физически ощущал их кожей. Это была опасная игра, но иного выхода не было. Вывести противника из себя и заставить его допустить какую-нибудь оплошность – вот к чему стремился Бондарь. Слово не замечая раздувшихся ноздрей противника, он продолжал:

– Если вы собираетесь продемонстрировать мне, как ваш китаец крушит мебель или взбегает по стене, то не утруждайте себя, Маргарита Марковна. В молодости я пересмотрел кучу гонконговских боевиков, так что теперь меня просто тошнит от всей этой азиатской экзотики. Кроме того, я никогда не слышал, чтобы в жилах Брюса Ли или Джеки Чана текла хотя бы капля корейской крови.

– Вам лучше не доводить Чена до белого каления, – предупредила Морталюк. – Он ломает хребты, как соломинки.

– И для этого мне не нужно ломать мебель или бегать по стенам, – вставил кореец. Его глаза полыхали жестоким холодным огнем.

– Галстук не мешает? – сочувственно спросил Бондарь. – Довольно странный наряд для мастера рукопашного боя.

– Чен! – негромко окликнула Морталюк. – Наш гость интересуется твоим галстуком. Прдемонстрируй нам, как ты управляешься с ним.

– С удовольствием.

Пристально глядя на Бондаря, кореец распустил узел галстука, снял его с шеи и сделал несколько пробных взмахов.

– Напоминает элементы упражнений художественной гимнастики, – прокомментировал Бондарь, следя за причудливыми зигзагами матерчатой ленты.

– Приступай! – поторопила телохранителя Морталюк.

Ослабившись, Чен взмахнул галстуком. Это было молниеносное движение. Несмотря на то что Бондарь отклонился, его правую щеку обожгло, словно огнем. По ощущению это напоминало прикосновение бритвой. Пальцы Бондаря, инстинктивно тронувшие лицо, стали липкими от крови. Отпрыгнув, он услышал голос Морталюк:

– Специальный фасон, Евгений Николаевич. Галстук скроен из сверхпрочного волокна. Им можно рубить головы. Очень удобное и мастерски сделанное оружие, не правда ли?

Отвечать было некогда. Новый взмах Чена действительно едва не обезглавил Бондаря. Галстук рассек воздух в паре сантиметров от его кадыка. В руках Чена это было смертельно опасное оружие. Что-то вроде необычайно гибкого клинка, которым кореец орудовал с завидной ловкостью.

Фр-р! Атласная лента вспорола пустоту. Упав спиной на стол, Бондарь кувыркнулся назад, приземлившись прямо посреди миниатюрного озерца. Вместо того чтобы кинуться исполнять его желания, золотые рыбки прыснули во все стороны. Забрызганный водой Щусевич издал протестующий возглас. Но ни Бондарь, ни Чен, перемахнувший через стол, не обратили на него ни малейшего внимания.

Импровизированный ринг, на котором они стояли, представлял собой круглую площадку трехметрового диаметра. Особо развернуться тут было негде – было тесновато, да и декоративные растения мешали. Вдобавок камни, которыми было выложено дно бассейна, скользили под ногами. Вода хлупала в обуви, намокшие штанины неприятно холодили голени. Не дожидаясь, пока Чен нанесет очередной удар, Бондарь сделал вид, что намеревается повторить кувырок через голову. Галстук взвился к потолку. Если бы Бондарь действительно попытался перекатиться через стол, устремившийся в атаку Чен непременно достал бы его. Но кореец просчитался. Упавший на спину противник оттолкнулся от полированной поверхности и ринулся вперед. Острый край замаскированной под галстук полосы рубанул стол, в то время как пригнувшийся Бондарь наступил Чену на ногу, боднув его в живот. Тот с плеском обрушился в воду, больно приложившись позвоночником об камни.

– Вставай, – сердито крикнула телохранителю Морталюк, еще не сообразившая, что произошло.

По-видимому, Чен тоже не осознал всей плачевности своего положения. Повинуясь хозяйскому приказу, он привстал, но лишь для того, чтобы со стоном сесть обратно.

– В чем дело? – возмутилась Морталюк.

– У парня сломана щиколотка, – пояснил Бондарь, спеша покинуть поле боя. Перебравшись через стол, он ободряюще подмигнул смертельно бледному Чену. – До свадьбы заживет. Это произойдет даже раньше, чем ты избавишься от ороговелостей на ладонях.

Несмотря на болевой шок, кореец сделал попытку достать обидчика галстуком. Безрезультатно. Бондарь уже находился далеко, бесцеремонно выливая воду из ботинок прямо на ковровое покрытие.

– Спасибо за теплый прием, – буркнул он, – но на сегодня приключений достаточно. Загляну к вам как-нибудь в другой раз, Маргарита Марковна. Когда вы обзаведетесь дрессированным тигром или боевым роботом с циркулярной пилой.

– Да постойте же вы! – крикнула Морталюк, поверившая, что Бондарь на самом деле намеревается уйти.

Он обернулся не раньше, чем взялся за ручку двери:

– Да?

– Как вам это удалось?

– Он наступил мне на ступню! – пожаловался Чен, кое-как выбравшийся из озерца и навалившийся грудью на стол. – Наступил и толкнул. Подлый прием.

– Подлый прием? – поднял брови Бондарь. – У тебя извращенное представление о морали, парень. – Он провел пальцем по раненой щеке и выставил его перед собой. – Твоя работа? Не знаю, что там написано в ваших корейских талмудах, а я следую очень простым заповедям.

– Око за око, зуб за зуб? – понимающе кивнула Морталюк.

– Примерно так, – подтвердил Бондарь, – но в соотношении один к трем. Это минимум.

– Вы мне подходите, – донеслось до него, когда он все же распахнул дверь.

Он замер. Мысленно поздравил себя с победой и, изображая внутреннюю борьбу, пробормотал:

– Не уверен.

– Зато я уверена, – поспешила заявить Морталюк.

Бондарь повернулся на месте, проделав это с подчеркнутой неохотой. Стоящая напротив него женщина была красива той холодной красотой, которая не греет душу, но распаляет воображение. Всячески подчеркивая свое сходство с Мэрилин Монро, она скорее напоминала Снежную Королеву. Лед отчасти был уже растоплен, однако взгляд, устремленный на Бондаря, сохранял минусовую температуру. Он посмотрел на Морталюк точно так же холодно, как смотрела на него она.

– Вы меня неправильно поняли, Маргарита Марковна. Я сомневаюсь в том, что *вы* мне подходите.

– Почему? – удивилась Морталюк.

– Меня только что собирались искалечить по вашему приказу.

– Испытать, любезный Евгений Николаевич, всего лишь испытать. Назовите сумму компенсации.

– Я хочу получать три тысячи долларов в месяц, – отчеканил Бондарь.

– Мы, деловые люди, никогда не соглашаемся с предложенными цифрами, не поторговавшись, – улыбнулась Морталюк, приблизившись к нему вплотную. – Три тысячи в месяц? Никогда! – Она осторожно потрогала порез на скуле Бондаря. – Пять тысяч. Плюс премия за незабываемое зрелище. Сейчас вам помогут привести себя в порядок, а потом отвезут туда, где мы продолжим наше интересное во всех отношениях знакомство. Договорились?

– Только без ваших азиатских штучек, – предупредил Бондарь, вежливо, но твердо отстраняя руку, чересчур долго соприкасающуюся с его щекой.

– О, некоторые азиатские традиции весьма забавны, – заметила Морталюк. – Скоро вам предстоит убедиться в этом.

Хохоток, изданный Щусевичем, подозрительно смахивал на сладострастное хрюканье. По-видимому, он хорошо знал, о чем идет речь, но Бондарь понял это, когда уже было поздно идти на попятную.

Сауна при отеле ничем не отличалась от тысяч подобных заведений. В отличие от русской бани, где постоянно приходится находиться в движении, поддавая пар или работая веничком,

финны свели процедуру к тупому обалдеванию в сидячем или лежащем положении. Тут было предельно сухо и невыносимо жарко. Когда Бондарь почувствовал, что его легкие шкворчат, а волосы вот-вот вспыхнут, он вывалился из парной и долго отмокал в бассейне, радуясь, что испытание огнем и водой закончилось. Доведется ли проходить через медные трубы или новая хозяйка оставит его в покое?

Гадая об этом, Бондарь обмотался полотенцем и вошел в предбанник, обставленный в лучших традициях эпохи застоя. С виду помещение ничем не отличалось от так называемых комнат отдыха, которыми обзаводились все партийные и комсомольские руководители конца восьмидесятых. Диван, удобные кресла, холодильник, телевизор, стол, заставленный всевозможными алкогольными и безалкогольными напитками. Присутствие симпатичной девушки в дымчатых очках и белом халатике не слишком удивило, но и не обрадовало Бондаря.

– В дополнительных услугах не нуждаюсь, – нахмурился он, обнаружив, что халатик непрошеной гостью стилизован под тунику, а туника эта надета прямо на голое тело... весьма недурственное тело, как отметил мозг Бондаря.

– Меня зовут Наташа, – представилась девушка, изобразив нечто вроде церемонного книксена, плохо вяжущегося с ее легкомысленным нарядом. – Что будете пить? Чай, сок, пиво, что-нибудь покрепче?

– Покрепче, но не здесь и не сейчас, – проворчал Бондарь, давая понять, что он не в восторге от навязанного ему женского общества.

– Ваша одежда в чистке, – сказала ему Наташа. – Маргарита Марковна поручила мне скрасить время вашего ожидания.

– Мне не надо ничего скрашивать. Можете быть свободны.

– Не могу. Мне уплачено. Не станете же вы настаивать на том, чтобы я вернула деньги?

– Послушай, девочка, – рассердился Бондарь. – Я не признаю платного секса. Тем более с юными особами, место которых за прядильным станком или на студенческой скамье. Брысь отсюда! По-хорошему прошу.

– Платный секс? – Наташа расхохоталась. – Господи, да как вы могли подумать такое? Мне поручено сделать вам массаж, вот и все. Маргарита Марковна сказала, что вы должны выйти отсюда в отличном расположении духа и в хорошей физической форме.

– Я и так в нормальной физической форме.

– Заметно. Такая фигура...

Взгляд, которым Наташа одарила Бондаря, заставил его вспомнить, что он тоже одет, мягко говоря, не для светских бесед с незнакомыми дамами.

– Тема закрыта, – отрезал он. – Массаж отменяется.

– Это невозможно. Маргарита Марковна не любит, когда ее распоряжения игнорируются.

– Я тоже много чего не люблю, – признался Бондарь.

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Наташа. – Меня ведь уволят, если я сделаю что-нибудь не так. Неужели вам так трудно? Вы не хотите попробовать на себе настоящий тайский массаж?

– Почему именно тайский?

Присевший к столу Бондарь не смог отказать себе в удовольствии угоститься темным пивом, оказавшимся восхитительным на вкус. Когда он вдобавок закурил, кривая его настроения резко пошла вверх. Настолько резко, что он на всякий случай проверил, надежно ли держится полотенце на бедрах.

Наташа, расположившаяся напротив, не прикоснулась ни к напиткам, ни к сигаретам. Время, имевшееся в ее распоряжении, она использовала для того, чтобы прочитать клиенту лекцию о достоинствах тайского массажа. По ее словам, это было древнее искусство, зародившееся примерно три тысячелетия назад на основе йоги, Аюрведы, буддийской духовной практики и китайской медицины. Местные целители, которых называют сиа́м, тщательнейшим образом изучили все энергетические линии Сен, пронизывающие человеческое тело.

– Всего их семьдесят две тысячи, – поведала Наташа с такой гордостью, словно она лично обнаружила и классифицировала эти загадочные линии.

– Не путаешься? – осведомился Бондарь, потягивая пиво.

– В практике используют лишь десять основных Сен.

– Зачем тогда изучать остальные?

Не зная, как ответить на этот вопрос, Наташа пустилась в пространные рассуждения о преимуществах тайского массажа над прочими. Речь сводилась к тому, что он заряжает положительной энергией не только пациента, но и массажиста.

– Выходит, пациенту нужно доплачивать, – глубокомысленно заметил Бондарь, помахивая рукой. Дымный шлейф от его сигареты свился в причудливую спираль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.